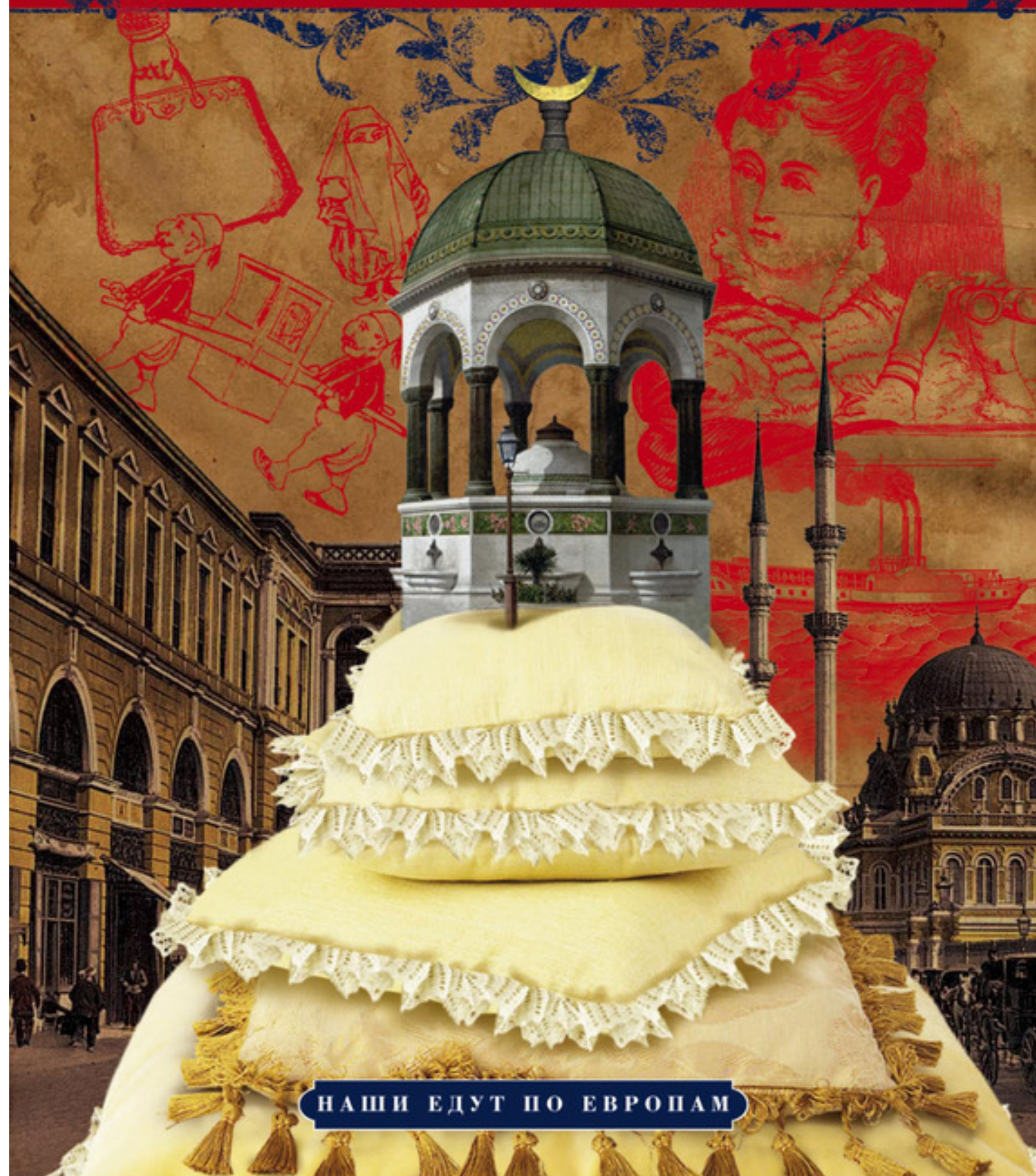

Д. Николай Демирджи Н

В гостях у турок

НАШИ ЕДУТ ПО ЕВРОПАМ

Наши едут по Европам

Николай Лейкин

**В гостях у турок. Юмористическое
описание путешествия
супругов Николая Ивановича
и Глафиры Семеновны
Ивановых через славянские
земли в Константинополь**

«Центрполиграф»

1897

УДК 882
ББК 84(2)

Лейкин Н. А.

В гостях у турок. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых через славянские земли в Константинополь / Н. А. Лейкин — «Центрполиграф», 1897 — (Наши едут по Европам)

ISBN 978-5-227-07653-3

Глафира Семеновна и Николай Иванович Ивановы уже в статусе бывалых путешественников отправились в Константинополь. В пути им было уже не так сложно. После цыганского царства – Венгрии – маршрут пролегал через славянские земли, и общие братские корни облегчали понимание. Однако наши соотечественники смогли отличиться – чуть не попали в криминальные новости. Глафира Семеновна метнула в сербского таможенного офицера кусок ветчины, а Николай Иванович выступил самозванцем, раздавая интервью об отсутствии самоваров в Софии и их влиянии на российско-болгарские отношения.

УДК 882
ББК 84(2)

ISBN 978-5-227-07653-3

© Лейкин Н. А., 1897
© Центрполиграф, 1897

Содержание

Не быть диким человеком	5
Фюлиопсдзалалс	9
Нет, не надуешь!	12
Белград близко	15
Нет визы	18
Ну братья-славяне!	21
Зачем войник на козлах?	24
Напрасные страхи	27
Простой славянский напиток	30
Чай по-парижски	33
Завтрак	36
Осмотр города	39
У менялы из Одессы	42
Еле вырвались	45
Обед по-сербски	48
Ну, прощай Белград!	51
Поехали	53
Ночной переполох	56
Хороша страна Болгария	59
Прибытие в Софию	62
Движение	64
Антирусские интриги Стамбулова	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Николай Александрович Лейкин

В гостях у турок. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых через славянские земли в Константинополь

Не быть диким человеком

Скорый поезд только что вышел из-под обширного, крытого стеклом железнодорожного двора в Будапеште и понесся на юг, к сербской границе.

В вагоне первого класса, в отдельном купе, изрядно уже засоренном спичками, окурками папирос и апельсинными корками, сидели не старый еще, довольно полный мужчина с русой подстриженной бородой и молодая женщина, недурная собой, с красивым еще бюстом, но тоже уже начинающая рыхлеть и раздаваться в ширину. Мужчина одет в серую пиджачную парочку с дорожной сумкой через плечо и в черной барашковой скуфейке на голове, дама в шерстяном верблюжьего цвета платье с необычайными буфами на рукавах и в фетровой шляпке со стоячими крылышками каких-то пичужек. Они сидели одни в купе, сидели друг против друга на диванах, и оба имели на диванах по пуховой подушке в белых наволочках. По этим подушкам каждый, хоть раз побывавший за границей, сейчас бы сказал, что это русские, ибо за границей никто, кроме русских, в путешествие с пуховыми подушками не ездит. Что мужчина и дама русские, можно было догадаться и по барашковой скуфейке на голове у мужчины, и, наконец, по металлическому эмалированному чайнику, стоявшему на приподнятом столике у вагонного окна. Из-под крышки и из носика чайника выходили легонькие струйки пара. В Будапеште в железнодорожном буфете они только что заварили в чайнике себе чаю.

И в самом деле, мужчина и дама были русские. Это были наши старые знакомцы супруги Николай Иванович и Глафира Семеновна Ивановы, уже третий раз выехавшие за границу и на этот раз направляющиеся в Константинополь, дав себе слово посетить попутно и сербский Белград, и болгарскую Софию.

Сначала супруги Ивановы молчали. Николай Иванович ковырял у себя в зубах перышком и смотрел в окно на расстилающиеся перед ним, лишенные уже снега, тщательно вспаханные и разбороненные, гладкие, как бильярд, поля с начинающими уже зеленеть полосами озимого посева. Глафира же Семеновна вынула из саквояжа маленькую серебряную коробочку, открыла ее, взяла оттуда пуховку и пудрила свое раскрасневшееся лицо, смотрясь в зеркальце, вделанное в крышечке, и наконец произнесла:

– И зачем только ты меня этим венгерским вином поил! Лицо так и пышет с него.

– Нельзя же, матушка, быть в Венгрии и не выпить венгерского вина! – отвечал Николай Иванович. – А то дома спросит кто-нибудь – пили ли венгерское, когда через цыганское царство проезжали? И что мы ответим?! Я нарочно даже паприки этой самой поел с клобсом. Клобс, клобс... Вот у нас клобс – просто бифштексик с луковым соусом и сметаной, а здесь клобс – зраза, рубленая зраза.

– Во-первых, у нас бифштексики с луком и картофельным соусом называются не просто клобс, а шнель-клобс, – возразила Глафира Семеновна. – А во-вторых...

– Да будто это не все равно!

– Нет, не все равно... Шнель по-немецки – значит скоро, на скорую руку... А если клобс без шнель...

– Ну, уж ты любишь спорить! – махнул рукой Николай Иванович и сейчас же переменял разговор: – А все-таки в этом венгерском царстве хорошо кормят. Смотри-ка, как хорошо нас кормили на станции Будапешт! И какой шикарный ресторан. Молодцы цыгане.

– Да будто тут все цыгане? – усомнилась Глафира Семеновна.

– Венгерцы – это цыгане. Ты ведь слышала, как они разговаривают: кухар... гахач... кр... гр... тр... горлом. Точь- в-точь как наши халдеи по разным загородным вертепам. И глазищи у них с блюдечко, и лица черномазые.

– Врешь, врешь! По станциям мы много и белокурых видели.

– Так ведь и у нас в цыганских хорах есть не черномазые цыганки. Вдруг какая-нибудь родится не в мать, не в отца, а в проезжего молодца, так что с ней поделаешь! И наконец, мы еще только что въехали в цыганское царство. Погоди, чем дальше, тем все черномазее будут, – авторитетно сказал Николай Иванович, пошевелил губами и прибавил: – Однако рот так и жжет с этой паприки.

Глафира Семеновна покачала головой.

– И охота тебе есть всякую дрянь! – воскликнула она.

– Какая же это дрянь! Растение, овощ... Не сидеть же повсюду, как ты, только на бульоне да на бифштексе. Я поехал путешествовать, образование себе сделать, чтобы не быть диким человеком и все знать. Нарочно в незнакомые государства и едем, чтобы со всеми ихними статьями ознакомиться. Теперь мы в Венгрии – и что есть венгерского, то и подавай.

– Однако фишзупе потребовал в буфете, а сам не ел.

– А все-таки попробовал. Попробовал и знаю, что ихний фишзупе – дрянь. Фишзупе – рыбный суп. Я и думал, что это что-нибудь вроде нашей ухи или селянки, потому у венгерцев большая река Дунай под боком, так думал, что и рыбы всякой много, а выходит совсем напротив. По-моему, этот суп из сельдяных голов, а то так из рыбьих голов и хвостов. У меня в тарелке какие-то жабры плавали. Солono, перечно... кисло... – вспоминал Николай Иванович, поморщился и, достав из угла на диване стакан, стал наливать себе в него из чайника чаю.

– Бр... – издала звук губами Глафира Семеновна, судорожно повела плечами и прибавила: – Погоди... накормят тебя еще каким-нибудь крокодилom, ежели будешь спрашивать разные блюда.

– Ну и что ж?.. Очень рад буду. По крайности, в Петербурге всем буду рассказывать, что крокодила ел. И все будут знать, что я такой образованный человек без предрассудков, что даже до крокодила в еде дошел.

– Фи! Замолчи! Замолчи, пожалуйста! – замахала руками Глафира Семеновна. – Не могу я даже слушать... Претит...

– Черепаху же в Марселе ел, когда третьего года из Парижа в Ниццу ездили, лягушку под белым соусом в Сан-Ремо ел. При тебе же ел.

– Брось, тебе говорят!

– Ракушку в Венеции проглотил из розовой раковинки, – хвастался Николай Иванович.

– Если ты не замолчишь, я уйду в уборную и там буду сидеть! Не могу я слышать такие мерзости.

Николай Иванович умолк и прихлебывал чай из стакана. Глафира Семеновна продолжала:

– И наконец, если ты ел такую гадость, то потому, что был всякий раз пьян, а будь ты трезв, ни за что бы тебя на это не хватило.

– В Венеции-то я был пьян?! – воскликнул Николай Иванович и поперхнулся чаем. – В Сан-Ремо – да... Когда я в Сан-Ремо лягушку ел – я был пьян. А в Венеции...

Глафира Семеновна вскочила с дивана:

– Николай Иваныч, я ухожу в уборную! Если ты еще раз упомянешь про эту гадость, я ухожу. Ты очень хорошо знаешь, что я про нее слышать не могу!

– Ну молчу, молчу. Садись, – сказал Николай Иванович, поставил пустой стакан на столик и стал закуривать папироску.

– Брр... – еще раз содрогнулась плечами Глафира Семеновна, села, взяла апельсин и стала очищать его от кожи. – Хоть апельсином заесть, что ли, – прибавила она и продолжала: – И я тебе больше скажу. Ты вот упрекаешь меня, что я за границей в ресторанах ничего не ем, кроме бульона и бифштекса... А когда мы к туркам приедем, то я и бифштекса с бульоном есть не буду.

– То есть как это? Отчего? – удивился Николай Иванович.

– Очень просто. Оттого, что турки магометане, лошадей едят и могут мне бифштекс из лошадиного мяса изжарить, да и бульон у них может быть из лошадины.

– Фю-фю! Вот тебе и здравствуй! Так чем же ты будешь в турецкой земле питаться? Ведь уж у турок ветчины не найдешь. Она им прямо по их вере запрещена.

– Вегетарианкой сделаюсь. Буду есть макароны, овощи – горошек, бобы, картофель. Хлебом с чаем буду питаться.

– Да что ты, матушка! – проговорил Николай Иванович. – Ведь мы в Константинополе остановимся в какой-нибудь европейской гостинице. Петр Петрович был в Константинополе и рассказывал, что там есть отличные гостиницы, которые французы держат.

– Гостиницы-то, может быть, и держат французы, да повара-то турки... Нет, нет, я уж это так решила.

– Да неужели ты лошадиного мяса от бычьего не отличишь!

– Однако ведь его все-таки надо в рот взять, пожевать... Тьфу! Нет, нет, это уж я так решила, и ты меня от этого не отговоришь, – твердо сказала Глафира Семеновна.

– Ну путешественница! Да изволь, я за тебя буду пробовать мясо, – предложил Николай Иванович.

– Ты? Да ты нарочно стараешься меня накормить лошадиной. Я тебя знаю. Ты озорник.

– Вот невероятная-то женщина! Чем же это я доказал, что я озорник?

– Молчи, пожалуйста. Я тебя знаю вдоль и поперек.

Николай Иванович развел руками и обидчиво поклонился жене.

– Изучены насквозь. Помню я, как вы в Неаполе радовались, когда я за табльдотом съела по ошибке муль – этих проклятых улиток, приняв их за сморчки, – кивнула ему жена. – Вы должны помнить, что со мной тогда было. Однако сниму-ка я с себя корсет да прилягу, – прибавила она. – Кондуктору дан гульден в Вене, чтобы никого к нам не пускал в купе, стало быть, нечего мне навтыяжке-то быть.

– Да конечно же сними этот свой хомут и все подпруги, – поддакнул Николай Иванович. – Не перед кем здесь кокетничать.

– Да ведь все думается, что не ворвался бы кто-нибудь.

– Нет, нет. Уж ежели взял гульден, то никого не впустит. И наконец, до сих же пор он держал свое слово и никого не впустил к нам.

Глафира Семеновна расстегнула лиф и сняла с себя корсет, положив его под подушку. Но только что она улеглась на диване, как дверь из коридора отворилась и показался в купе кондуктор со щипцами.

– Ich habe die Ehre... – произнес он приветствие. – Ihre Fahrkarten, mein Herr...

Николай Иванович взглянул на него и проговорил:

– Глаша! Да ведь кондуктор-то новый! Не тот уж кондуктор.

– Нови, нови... – улыбнулся кондуктор, простирая билеты.

– Говорите по-русски? – радостно спросил его Николай Иванович.

– Мало, господине.

– Брат-славянин?

– Славяне, господине, – поклонился кондуктор и проговорил по-немецки: – Может быть, русские господа хотят, чтобы они одни были в купе?

В пояснение своих слов он показал супругам свои два пальца.

– Да, да... – кивнул ему Николай Иванович. – Их гебе... Глаша! Придется и этому дать, а то он пассажиров в наше купе напустит. Тот кондуктор, подлец, в Будапеште остался.

– Конечно же дай... Нам ночь ночевать в вагоне, – слышалось от Глафиры Семеновны. – Но не давай сейчас, а потом, иначе и этот прыгнет на какой-нибудь станции и придется третьему давать.

– Я дам гульден!.. Их гебе гульден, но потом... – сказал Николай Иванович.

– Нахер... Нахер... – прибавила Глафира Семеновна.

Кондуктор, очевидно, не верил, бормотал что-то по-немецки, по-славянски, улыбался и держал руку пригоршней.

– Не верит. Ах, брат-славянин! За кого же ты нас считаешь! А мы вас еще освобождали! Ну ладно, ладно. Вот тебе полгульдена. А остальные потом, в Белграде... Мы в Белград теперь едем, – говорил ему Николай Иванович, достал из кошелька мелочь и подал ему.

Кондуктор подбросил на ладони мелочь и развел руками.

– Мало, господине... Молим една гульден, – произнес он.

– Да дай ты ему гульден! Пусть провалится. Должны же мы на ночь покой себе иметь! – прикрикнула Глафира Семеновна на мужа.

Николай Иванович сгреб с ладони кондуктора мелочь, подал ему гульден и сказал:

– На, подавись, братушка...

Кондуктор поклонился и, запирая дверь в купе, проговорил:

– С Богом, господине.

Фюлиопсдзалалс

Стучит, гремит поезд, проносясь по венгерским степям. Изредка мелькают деревеньки, напоминающие наши малороссийские, с мазанками из глины, окрашенными в белый цвет, но без соломенных крыш, а непременно с черепичной крышей. Еще реже попадаются усадьбы – непременно с маленьким жилым домом и громадными многочисленными хозяйственными постройками. Глафира Семеновна лежит на диване и силится заснуть. Николай Иванович, вооружившись книжкой «Переводчик с русского языка на турецкий», изучает турецкий язык. Он бормочет:

– Здравствуйте – селям алейкюм, благодарю вас – шюкюр, это дорого – пахалы дыр, что стоит – не дээр, принеси – гетир, прощайте – Аллах ысмарладык... Язык сломать можно. Где тут такие слова запомнить! – говорит он, вскидывает глаза в потолок и твердит: – Аллах ысмарладык. Аллаха-то запомнишь, а уж ысмарладых этот – никогда. Ысмарладых, ысмарладых... Ну, дальше... – заглядывает он в книжку. – «Поставь самовар». Глафира Семеновна! – восклицает он. – В Турции-то про самовар знают, значит, нам уже с чаем мучиться не придется.

Глафира Семеновна приподнялась на локти и поспешно спросила:

– А как самовар по-турецки?

– Поставь самовар – «сую кайнат», стало быть, самовар – «кайнат».

– Это действительно надо запомнить хорошенько. Кайнат, кайнат, кайнат... – три раза произнесла Глафира Семеновна и опять прилегла на подушку.

– Но есть слова и легкие, – продолжал Николай Иванович, глядя в книгу. – Вот, например, табак – «тютюн». Тютюном и у нас называют. Багаж – «уруба», деньги – «пара», деревня – «кей», гостиница – «хан», лошадь – «ат», извозчик – «арабаджи»... Вот эти слова самые нужные, и их надо как можно скорее выучить. Давай петь, – предложил он жене...

– Как петь? – удивилась та.

– Да так... Говорят, при пении всего скорее слова запоминаются.

– Да ты никак с ума сошел! В поезде петь!

– Но ведь мы потихоньку... Колеса стучат, купе заперто – никто и не услышит.

– Нет, уж петь я не буду и тебе не позволю. Я спать хочу...

– Ну, как знаешь. А вот железная дорога слово трудное по-турецки: «демиринолу».

– Я не понимаю только, чего ты спозаранку турецким словам начал учиться! Ведь мы сначала в Сербию едем, в Белграде остановимся, – проговорила Глафира Семеновна.

– А где ж у меня книжка с сербскими словами? У меня нет такой книжки. Да, наконец, братья-славяне нас и так поймут. Ты видела давеча кондуктора из славян – в лучшем виде понял. Ведь у них все слова наши, а только на какой-то особый манер. Да вот тебе... – указал он на регулятор отопления в вагоне. – Видишь надписи: «тепло... студено...» А вон вверху около газового рожка, чтобы свет убавлять и прибавлять: «свет... тма...» Неужели это не понятно? Братья-славяне поймут.

Поезд замедлил ход и остановился на станции.

– Посмотри-ка, какая это станция. Как называется? – спросила Глафира Семеновна.

Николай Иванович стал читать и запнулся:

– Сцабаце... По-венгерски это, что ли... Решительно ничего не разберешь, – отвечал он.

– Да ведь все-таки латинскими буквами-то написано.

– Латинскими, но выговорить невозможно... Сзззба...

Глафира Семеновна поднялась и сама начала читать.

Надпись гласила: «Szabadszállás».

– Сзабадсзалалс, что ли! – прочла она и прибавила: – Ну язык!

– Я тебе говорю, что хуже турецкого. Цыгане... И наверное, как наши цыгане, конокрадством, воровством и лошадиным барышничеством занимаются, а также и насчет того, где что плохо лежит. Ты посмотри, в каких овчинных накидках стоят! А рожи-то, рожи какие! Совсем бандиты, – указал Николай Иванович на венгерских крестьян в их живописных костюмах. – Вон и бабы тут... Подол у платья чуть не до колен и сапоги мужские с высокими голенищами из несмазанной желтой кожи...

Глафира Семеновна смотрела в окно и говорила:

– Действительно, страшные... Знаешь, с одной стороны, хорошо, что мы одни в купе сидим, а с другой...

– Ты уж боишься? Ну вот... Не бойся... У меня кинжал в дорожной сумке.

– Какой у тебя кинжал! Игрушечный.

– То есть как это игрушечный? Стальной. Ты не смотри, что он мал, а если им направо и налево...

– Поди ты! Сам первый и струсил. Да про день я ничего не говорю... Теперь день, а ведь нам придется ночь в вагоне ночевать...

– И ночью не беспокойся. Ты спи спокойно, а я буду не спать, сидеть и караулить.

– Это ты-то? Да ты первый заснешь. Сидя заснешь.

– Не засну, я тебе говорю. Вечером заварю я себе на станции крепкого чая... Напьюсь – и чай в лучшем виде сон отгонит. Наконец, мы в вагоне не одни. В следующем купе какие-то немцы сидят. Их трое... Неужели в случае чего?..

– Да немцы ли? Может быть, такие же глазастые венгерцы?

– Немцы, немцы. Ты ведь слышала, что давеча по- немецки разговаривали.

– Нет, уж лучше днем выспаться, а ночью сидеть и не спать, – сказала Глафира Семеновна и стала укладываться на диван.

А поезд давно уже вышел со станции с трудно выговариваемым названием и мчался по венгерским полям. Поля направо, поля налево, изредка деревушка с церковью при одиночном зеленом куполе, изредка фруктовый сад со стволами яблонь, обмазанными известкой с глиной и белеющими на солнце.

Опять остановка. Николай Иванович заглянул в окно на станционный фасад и, увидав на фасаде надпись, сказал:

– Ну, Глаша, такое название станции, что труднее давешнего. «Фюлиопис...» – начал он читать и запнулся. – Фюлиописдзалакс.

– Вот видишь, куда ты меня завез, – сказала супруга. – Недаром же мне не хотелось ехать в Турцию.

– Нельзя, милая, нельзя... Нужно всю Европу объехать, и тогда будешь цивилизованный человек. Зато потом, когда вернемся домой, есть чем похвастать. И эти названия станций – все это нам на руку. Будем рассказывать, что по таким, мол, местностям проезжали, что и название не выговоришь. Стоит написано название станции, а настоящим манером выговорить его невозможно. Надо будет только записать.

И Николай Иванович, достав свою записную книжку, скопировал в нее находящуюся на стене станции надпись: «Fülöpszállás».

На платформе у окна вагона стоял глазастый и черный, как жук, мальчик и протягивал к стеклу бумажные тарелочки с сосисками, густо посыпанными изрубленной белой паприкой.

– Глафира Семеновна! Не съесть ли нам горячих сосисок? – предложил жене Николай Иванович. – Вот горячие сосиски продают.

– Нет-нет. Ты ешь, а я ни за что... – отвечала супруга. – Я теперь вплоть до Белграда ни на какую и станцию не выйду, чтобы пить или есть. Ничего я не могу из цыганских рук есть. Почему ты знаешь, что в этих сосисках изрублено?

– Да чему же быть-то?

– Нет-нет.

– Но чем же ты будешь питаться?

– А у нас есть сыр из Вены, ветчина, булки, апельсины.

– А я съем сосисок...

– Ешь, ешь. Ты озорник известный.

Николай Иванович постучал мальчику в окно, опустил стекло и взял у него сосисок и булку, но только что дал ему две кроны и протянул руку за сдачей, как поезд тронулся. Мальчишка перестал отсчитывать сдачу, улыбнулся, ткнул себя рукой в грудь и крикнул:

– Трингельд, трингельд, мусью...

Николаю Ивановичу осталось только показать ему кулак.

– Каков цыганенок! Сдачи не отдал! – проговорил он, обращаясь к жене, и принялся есть сосиски.

Нет, не надуешь!

Поезд мчится по-прежнему, останавливаясь на станциях с трудно выговариваемыми не для венгерца названиями: Ксенгед, Кис-Керес, Кис-Жалас. На станции Сцабатка поезд стоял минут пятнадцать. Перед приходом на нее кондуктор-славянин вошел в купе и предложил, не желают ли путешественники выйти в имеющийся на станции буфет.

– Добра рыба, господине, добро овечье мясо... – расхваливал он.

– Нет, спасибо. Ничем не заманишь, – отвечала Глафира Семеновна.

Здесь Николай Иванович ходил с чайником заваривать себе чай, выпил пива, принес в вагон какой-то мелкой копченой рыбы и коробку шоколада, который и предложил жене.

– Да ты в уме?! – крикнула на него Глафира Семеновна. – Стану я есть венгерский шоколад! Наверное, он с паприкой.

– Венский, венский, душечка... Видишь, на коробке ярлык: Wien.

Глафира Семеновна посмотрела на коробку, понюхала ее, открыла, взяла плитку шоколада, опять понюхала и стала кушать.

– Как ты в Турции-то будешь есть что-нибудь? – покачал головой муж.

– Подозрительное есть не буду.

– Да ведь все может быть подозрительно.

– Ну, уж это мое дело.

Со станции Сцабатка стали попадаться славянские названия станций: Тополия, Вербац.

На станции Вербац Николай Иванович сказал жене:

– Глаша! Теперь ты можешь ехать без опаски. Мы приехали в славянскую землю. Братья-славяне, а не венгерские цыгане... Давеча была станция Тополия, а теперь Вербац... Тополия от тополь, Вербац от вербы происходит. Стало быть, уж и еда и питье славянские.

– Нет-нет, не надуешь. Вон черномазые рожи стоят.

– Рожи тут ни при чем. Ведь и у нас, русских, могут такие рожи попасться, что с ребенком родимчик делается. Позволь, позволь... Да вот даже поп стоит и в такой же точно рясе, как у нас, – указал Николай Иванович.

– Где поп? – быстро спросила Глафира Семеновна, смотря в окно.

– Да вот... В черной рясе с широкими рукавами и в черной камилавке...

– И в самом деле поп. Только он больше на французского адвоката смахивает.

– У французского адвоката должен быть белый язычок под бородой, на груди, да и камилавка не такая.

– Да и тут не такая, как у наших священников. Наверху края дна закруглены и, наконец, черная, а не фиолетовая. Нет, это должен быть венгерский адвокат.

– Священник, священник... Неужели ты не видала их на картинках в таких камилавках? Да вон у него и наперсный крест на груди. Смотри, смотри, провожает кого-то и целуется, как наши попы целуются – со щеки на щеку.

– Ну, если наперсный крест на груди, так твоя правда: поп.

– Поп, славянские названия станций, так чего ж тебе еще? Стало быть, мы из венгерской земли выехали. Да вон и белокурая девочка в ноздре ковыряет. Совсем славянка. Славянский тип.

– А не говорил ли ты давеча, что белокурая девочка может уродиться не в мать, не в отца, а в проезжего молодца? – напомнила мужу Глафира Семеновна.

Поезд в это время отходил от станции. Глафира Семеновна достала с веревочной полки корзинку с провизией, открыла ее и стала делать себе бутерброд с ветчиной.

– Своей-то еды поешь, в настоящем месте купленной, так куда лучше, – сказала она и принялась кушать.

Действительно, поезд уж мчался по полям так называемой Старой Сербии. Через полчаса кондуктор заглянул в купе и объявил, что сейчас будет станция Нейзац.

– Нови Сад... – прибавил он тут же и славянское название.

– Глаша! Слышишь, это уж совсем славянское название! – обратился Николай Иванович к жене. – Славянска земля? – спросил он кондуктора.

– Словенска, словенска, – кивнул тот, наклонился к Николаю Ивановичу и стал объяснять ему по-немецки, что когда-то это все принадлежало Сербии, а теперь принадлежит Венгрии.

Николай Иванович слушал и ничего не понимал.

– Черт знает что он бормочет! – пожал плечами Николай Иванович и воскликнул: – Брат-славянин! Да чего ты по-немецки-то бормочешь! Говори по-русски! Тьфу ты! Говори по-своему, по-славянски! Так нам свободнее разговаривать.

Кондуктор понял и заговорил по-сербски. Николай Иванович слушал его речь и все равно ничего не понимал.

– Не понимаю, брат-славянин... – развел он руками. – Слова как будто бы и наши, русские, а ничего не понимаю. Ну, уходи! Уходи! – махнул он рукой. – Спасибо. Мерси...

– С Богом, господине! – поклонился кондуктор и закрыл дверь купе.

Вот и станция Новый Сад. На станционном здании написано название станции на трех языках: по-венгерски – Уй-Видек, по-немецки – Нейзац и по-сербски – Нови Сад. Глафира Семеновна тотчас же заметила венгерскую надпись и сказала мужу:

– Что ты меня надуваешь! Ведь все еще по венгерской земле мы едем. Вон название-то станции как: Уй-Видек... Ведь это же по-венгерски.

– Позволь... А кондуктор-то как же? Ведь и он тебе сказал, что это уж славянская земля, – возразил Николай Иванович.

– Врет твой кондуктор.

– Какой же ему расчет врать? И наконец, ты сама видишь надпись: Нови Сад.

– Ты посмотри на лица, что на станции стоят. Один другого черномазее. Батюшки! Да тут один какой-то венгерец даже в белой юбке.

– Где в юбке? Это не в юбке... Впрочем, один-то какой-нибудь, может быть, и затесался. А что до черномазие, то ведь и сербы черномазые.

По коридору вагона ходил мальчик с двумя кофейниками и чашками на подносе и предлагал кофе желающим.

– Хочешь кофейку? – предложил Николай Иванович супруге.

– Ни боже мой, – покачала та головой. – Я сказала тебе, что, пока мы на венгерской земле, крошки в рот ни на одной станции не возьму.

– Да ведь пила же ты кофе в Будапеште. Такой же венгерский город.

– В Будапеште! В Будапеште великолепный венский ресторан, лакеи во фраках, с капулем¹. И разве в Будапеште были вот такие черномазые в юбках или в овчинных нагольных салопках?..

Поезд помчался. Справа начались то там, то сям возвышенности. Местность становилась гористая. Вот и опять станция.

– Петервердейн! – кричит кондуктор.

– Петровередин! Изволите видеть, опять совсем славянский город, – указывает Николай Иванович жене на надпись на станционном доме.

Глафира Семеновна лежит с закрытыми глазами и говорит:

– Не буди ты меня. Дай ты мне засветло выспаться, чтобы я могла ночь не спать и быть на карауле. Ты посмотри, какие подозрительные рожи повсюду. Долго ли до греха? С нами много денег. У меня бриллианты с собой.

¹ Капуть – мужская прическа с локонами, свисающими на лоб, по имени французского оперного певца Ж. Капуля.

– По Италии ездили, так и не такие подозрительные рожи нам по дороге попадались, даже, можно сказать, настоящие бандиты попадались, однако ничего не случилось. Бог милывал.

А поезд уж снова бежал далеко от станции. Холмы разрастались в изрядные горы. Вдруг поезд влетел в туннель, и все стемнело.

– Ай! – взвизгнула Глафира Семеновна. – Николай Иванович! Где ты? Зажигай скорей спички, зажигай...

– Туннель это, туннель... успокойся! – кричал Николай Иванович, искал спички, но спичек не находилось. – Глаша! У тебя спички? Где ты? Давай руку!

Он искал руками жену, но не находил ее в купе.

Вскоре, однако, показался просвет, и поезд выехал из туннеля. Глафиры Семеновны не было в купе. Дверь в коридор вагона была отворена. Он бросился в коридор и увидел жену, сидевшую в среднем купе между двумя немцами в дорожных мягких шапочках. На груди она держала свой шагреновый баульчик с деньгами и бриллиантами.

– Убежала вот к ним. Я боюсь впотьмах. Отчего ты спичек не зажигал? Вот эти мосье сейчас же зажгли спички. Но я споткнулась на них и упала. Они уж подняли меня, – прибавила она, вставая. – Надо извиниться. Пардоне, мосье. Ее же вузе деранже... – произнесла она по-французски.

Николай Иванович пожал плечами.

Белград близко

– Зачем ты к чужим-то убежала? – недовольно спросил жену Николай Иванович. – Ступай, ступай в свое купе...

– Испугалась. Что ж поделаешь, если испугалась... Когда стемнело, я подумала невесть что. Кричу тебе: огня! Зажигай спички! А ты ни с места... – отвечала Глафира Семеновна, войдя в свое купе. – Эти туннели ужасно как пугают.

– Я и искал спички, но найти не мог. К чужим бежать, когда я был при тебе!

– Там все-таки двое, а ты один. Прибежала я, они и зажгли спички.

– Блажишь ты, матушка, вот что я тебе скажу.

– Сам же ты меня напугал цыганами: «Занимаются конокрадством, воровством». Я и боялась, что они впотьмах к нам влезут в купе.

А в отворенной двери купе супругов уже стоял один из мужчин соседнего купе, средних лет жгучий брюнет в золотых очках, с густой бородой, прибранной волосок к волоску, в клетчатой шелковой дорожной шапочке, и с улыбкой, показывая белые зубы, говорил:

– Мадам есте русска? Господине русский?

– Да, да, мы из России, – отвечала Глафира Семеновна, оживляясь.

– Самые настоящие русские, – прибавил Николай Иванович. – Из Петербурга мы, но по происхождению с берегов Волги, из Ярославской губернии. А вы? – спросил он.

– Срб... – отвечал брюнет, пропустив в слове «срб» по-сербски букву «е», и ткнул себя в грудь указательным пальцем с надетым на нем золотым перстнем. – Срб из Београд, – прибавил он.

– А мы едем в Белград, – сообщила ему Глафира Семеновна.

– О! – показал опять зубы брюнет. – Молим, мадам, заходить в Београд на мой апотекрски ладунг. Косметически гешефт тоже има.

– Как это приятно, что вы говорите по-русски. Прошу покорно садиться, – предложил ему Николай Иванович.

– Я учился по-русски... Я учился на Нови Сад в ортодоксальне гимназиум. Потом на Вена, в университет. Там есть катедр русский язык, – отвечал брюнет и сел.

– А мы всю дорогу вас считали за немца, – сказала Глафира Семеновна.

– О, я говорю по-немецки, как... эхтер немец. Многи србы говорят добре по-немецки. От немцы наша цивилизация. Вы будете глядеть наш Београд – совсем маленьки Вена.

– Да неужели он так хорош? – удивилась Глафира Семеновна.

– О, вы будете видеть, мадам, – махнул ей рукой брюнет с уверенностью, не требующей возражения. – Мы имеем университет на два факультет: юристише и философише... (Брюнет мешал сербскую, русскую и немецкую речь.) Мы имеем музеум, мы имеем театр, националь-библиотек. Нови королевски конак...

– Стало быть, есть там и хорошие гостиницы? – спросил Николай Иванович.

– О, как на Вин! Как на Вена.

– Скажите, где бы нам остановиться?

– «Гран-Готель», «Готель де Пари», «Кронпринц готель» – гостильница престолонаследника, – перевел брюнет и прибавил: – Добра гостильница, добры кельнеры, добро вино, добра еда. Добро ясти будете.

– А по-русски в гостиницах говорят? – поинтересовалась Глафира Семеновна.

– Швабы... Швабски келнеры, собарицы – србви... Но вы, мадам, будете все понимать. Вино чермно, вино бело, кафа, овечье мясо... чаша пива. По-србски и по-русски – все одно, – рассказывал брюнет.

– Ну, так вот, мы завтра, как приедем, так, значит, в гостинице престолонаследника остановимся, – сказал жене Николай Иванович. – Что нам разные готель де Пари! Французские-то гостиницы мы уж знаем, а лучше нам остановиться в настоящей славянской гостинице. В котором часу завтра мы в Белграде будем? – спросил он брюнета.

– Как завтра? Мы приедем в Београд сей день у вечера на десять с половина часы, – отвечал брюнет.

– Да что вы, мосье! Неужели сегодня вечером? – радостно воскликнула Глафира Семеновна. – А нам же сказали, что завтра поутру? Николай Иваныч! Что ж ты мне наврал?

– Не знаю, матушка, не знаю, – смешался супруг. – Я в трех разных местах трех железнодорожных чертей спрашивал, и все мне отвечали, что «морген», то есть завтра.

– Может быть, они тебе «гут морген» говорили, то есть здоровались с тобой, а ты понял в превратном смысле.

– Да ведь один раз я даже при тебе спрашивал того самого кондуктора, который от нас с гульденом сбежал. Ты сама слышала.

– Ну, так это он нас нарочно надул, чтоб испугать ночлегом в вагоне и взять гульден за невпускание к нам в купе посторонних. Вы, монсье, наверное, знаете, что мы сегодня вечером в Белград приедем, а не завтра? – спросила Глафира Семеновна брюнета.

– Господи! Аз до дому еду и телеграфил.

– Боже мой, как я рада, что мы сегодня приедем в Белград и нам не придется ночевать в вагоне, проезжая по здешней местности! – радовалась Глафира Семеновна. – Ужасно страшный народ здешние венгерские цыгане. Знаете, мосье, мы с мужем в итальянских горах проезжали, видали даже настоящих тамошних бандитов, но эти цыгане еще страшнее тех.

Брюнет слушал Глафиру Семеновну, кивал ей даже в знак своего согласия, но из речи ее ничего не понял.

– На Везувий в Неаполе взбирались мы. Уж какие рожи нас тогда окружали – и все-таки не было так страшно, как здесь! Ведь оттого-то я к вам и бросилась спасаться, когда мы в туннель въехали, – продолжала Глафира Семеновна. – Мой муж хороший человек, но в решительную минуту он трус и теряется. Вот потому-то я к вам под защиту и бросилась. И вы меня простите. Это было невольно, инстинктивно. Вы меня поняли, монсье?

Брюнет опять кивнул и, хотя все-таки ничего не понял, но думая, что речь идет все еще о том, когда поезд прибудет в Белград, заговорил:

– Теперь будет станция Карловцы и Фрушка гора на Дунай-река... А дальше станция град Индия и град Земун – Землин по-русски.

– Всего три станции? Как скоро! – удивилась Глафира Семеновна.

– В Землин будет немецка митница², а в Београд – србска митница. Пасс есть у господина? Спросят пасс, – отнесся брюнет к Николаю Ивановичу.

– Вы насчет паспорта? Есть, есть... Как же быть русскому без паспорта? Нас и из России не выпустили бы, – отвечала за мужа Глафира Семеновна.

Брюнет продолжал рассказывать:

– Земун – семо, потом Дунай-река и мост, овамо – Београд србски... Опять паспорт.

– Стало быть, и у вас насчет паспортов-то туго? – подмигнул Николай Иванович.

– Есть. Мы свободне держава, но у нас везде паспорт.

Разговаривая с брюнетом, супруги и не заметили, что уж давно стемнело и в вагоне горел огонь. Николай Иванович взглянул на часы. Было уж девять. Брюнет предложил ему папиросу и сказал:

– Србски табак. На Србия добр табак.

² Таможня (серб.).

– А вот петербургскую папироску не хотите ли? – предложил ему в свою очередь Николай Иванович. – Вот и сама мастерица тут сидит. Она сама мне папиросы делает, – кивнул он на жену.

Оба взяли друг у друга папиросы, закурили и расстались. Брюнет ушел в свое купе, а супруги стали ждать станции Карловиц.

– Карловцы! – возгласил кондуктор, проходя по вагону.

После станции Карловиц Глафира Семеновна стала связывать свои пожитки: подушки, пледы, книги, коробки с закусками. Ей помогал Николай Иванович.

– Скоро уж теперь, скоро приедем в Белград, – радостно говорила она.

Нет визы

Подъезжали к станции Землин – австрийскому городу с коренным славянским населением, находящемуся на сербской границе. Вдали виднелись городские огни, в трех-четырёх местах блеснул голубовато-белый свет электричества.

Николай Иванович и Глафира Семеновна стояли у окна и смотрели на огни.

– Смотри-ка, огни-то как разбросаны, – сказала она. – Должно быть, большой город.

– Да. Это уж последний австрийский город. После него сейчас и Белград, славянское царство. Прощай немчура! Прощай Гуниади Янусы! – проговорил он.

– Как Гуниади Янусы? – быстро спросила Глафира Семеновна.

– Да ведь это венгерская вода, из Венгрии она к нам в Россию идет. Ну, я венгерцев Гуниади Янусами и называю.

– Да что ты! То-то она мне так противна бывает, когда случается ее принимать. Скажи на милость, я и не знала, что эта вода из цыганской земли идет! По Сеньке шапка. Что люди, то и вода... На черномазого человека взглянешь, так в дрожь кидает, и на воду ихнюю, так то же самое. И неужели они эту воду Гуниади так просто пьют, как обыкновенную воду?

Николай Иванович замаялся, не знал, что отвечать, и брякнул:

– Жрут.

– Да ведь это нездорово, ежели без нужды.

– Привыкли, подлецы.

– Ужас что такое! – произнесла Глафира Семеновна, содрогаясь плечами, и прибавила: – Ну, отныне я этих венгерских черномазых цыган так и буду называть Гуниадями.

Убавляя ход, поезд остановился на станции. В купе вагона заглянул полицейский в австрийском кепи и с тараканьими усами и потребовал паспорт. Николай Иванович подал ему паспорт. Полицейский вооружился пенсне, долго рассматривал паспорт, посмотрел почему-то бумагу его на свет, вынул записную книжку из кармана, записал что-то и, возвращая паспорт, спросил улыбаясь:

– Студено на Петербург?

– Ах, вы славянин? Говорите по-русски? – оживился Николай Иванович, но полицейский махнул ему рукой, сказал: «С Богом!» – и торопливо направился к следующему купе в вагоне.

– Все славяне! Везде теперь братья-славяне будут! – торжествующе произнес Николай Иванович и спросил жену: – Рада ты, что мы вступаем в славянское царство?

– Еще бы! Все-таки родной православный народ, – отвечала Глафира Семеновна.

– Да, за этих братьев-славян мой дяденька Петр Захарыч, царство ему небесное, в сербскую кампанию душу свою положил.

– Как? А ты мне рассказывал, что он соскочил на Дунае с парохода и утонул?

– Да. Но все-таки он в добровольцах тогда был и ехал сражаться, но не доехал. Пил он всю дорогу. Вступило ему, по всем вероятностям, в голову, показались белые слоны, ну, он от страха и спрыгнул с парохода в Дунай.

– Так какое же тут положение души?

– Так-то оно так... Но все-таки был добровольцем и ехал. Признаться, покойник папенька нарочно его и услал тогда, что уж сладу с ним никакого в Петербурге не было. Так пил, так пил, что просто не удержишь! Пропадет, пропнется и в рубище домой является. Впрочем, помутившись, он тогда и из Петербурга с партией выехал. А и поили же тогда добровольцев этих – страсть! Купцы поят, славянский комитет поит, дамы на железную дорогу провожают, платками машут... На железной дороге опять питье... В вагоны бутылки суют. Страсть! Я помню... – покрутил головой Николай Иванович, вспоминая о прошлом.

А поезд между тем шел уже по железнодорожному мосту через Саву – приток Дуная – и входил на сербскую территорию.

Вот станция Белград. Поезд остановился. Большой красивый станционный двор, но на платформе пустынно. Даже фонари не все зажжены, а через два третей.

– Что же это народу-то на станции никого нет? – удивилась Глафира Семеновна, выглянув в окошко. – Надо носильщика нам для багажа, а где его возьмешь? Гепектрегер! Гепектрегер! – постучала она в окно человеку в нагольной овчинной куртке и овчинной шапке, идущему с фонарем в руке, но тот взглянул на нее и отмахнулся. – Не понял, что ли? – спросила она мужа и прибавила: – Впрочем, и я-то глупая! Настоящего славянина зову по-немецки. Как носильщик по-сербски?

– Почем же я-то, душенька, знаю! – отвечал Николай Иванович. – Вот еще серба какого нашла! Да давай звать по-русски. Носильщик! Носильщик! – барабанил он в стекло каким-то двум овчинным шапкам и манил к себе.

Глафира Семеновна тоже делала зазывающие жесты. Наконец в вагон влезла овчинная шапка с таким черномазым косматым лицом и с глазами навывкате, что Глафира Семеновна невольно попятилась.

– Боже мой, и здесь эти венгерские цыгане! – воскликнула она.

– Да нет же, нет, это брат-славянин. Не бойся, – сказал ей муж. – Почтенный! Вот тут наши вещи и саквояжи. Вынеси, пожалуйста, – обратился он к овчинной шапке. – Раз, два, три, четыре, пять... Пять мест.

– Добре, добре, господине. Пять? – спросила овчинная шапка, забирая вещи.

– Пять, пять. Видишь, он говорит по-русски, так какой же это цыган, – обратился Николай Иванович к жене. – Брат-славянин это, а только вот физиономия-то у него каторжная. Ну да бог с ним. Нам с лица не воду пить. Неси, неси, милый... Показывай, куда идти.

Баранья шапка захватила вещи и стала их выносить из вагона. Выходил из вагона и брюнет в очках, таща сам два шагреновых чемодана. Он шел сзади супругов и говорил им:

– Митница. О, србска митница – строга митница!

Николай Иванович и Глафира Семеновна были тоже нагружены. Николай Иванович нес две картонки со шляпками жены, зонтик, трость. Сама она несла баульчик, металлический чайник, коробок с едой. Их нагнал кондуктор, брат-славянин, и протягивал руку пригоршней.

– Господине, за покой... Тринггельд... – говорил он, кланяясь.

– Да ведь уж я дал гульден! – воскликнул Николай Иванович. – И неизвестно за что дал. Я думал, что мы ночь ночевать в вагоне будем, так чтоб враспяжку на скамейках спать, я и просил никого не пускать в наше купе, а не ехать ночь, так и этого бы не дал.

– На пиво, на чашу пива, высокий бояр... – приставал кондуктор.

– Гроша медного больше не получишь! – обернулся к нему Николай Иванович.

– Pass... Pass, mein Herr... – раздалось над самым его ухом.

Николай Иванович взглянул. Перед ним дорога была загорожена цепью, и стоял военный человек в кепи с красным околышком и жгутами на пальто. Около него двое солдат в сербских шапочках-скуфейках.

– Паспорт надо? Есть, – отвечал Николай Иванович. Поставил на пол коробки со шляпками и полез в карман за паспортом. – Пожалуйста... Паспорт русский... Из города Петербурга едем. Такие же славяне, как и вы... – подал он военному человеку заграничный паспорт-книжечку...

Тот начал его перелистывать и спросил довольно сносно по-русски:

– А отчего визы сербского консула нет?

– Да разве нужно? – удивился Николай Иванович. – Австрийская есть, турецкая есть.

– Надо от сербского консула тоже. Давайте четыре динара... Четыре франка... – пояснил он. – Давайте за гербовые марки на визу.

– С удовольствием бы, но у меня, голубчик, брат-славянин, только русские рубли да австрийские гульденны. Если можно разменять, то вот трехрублевая бумажка.

– Нет, уж лучше давайте гульденны.

Николай Иванович подал гульден.

– Мало, мало. Еще один. Вот так... Какую гостильницу берете? – задавал вопрос военный человек.

– То есть где мы остановимся? Говорят, есть здесь какая-то гостиница престолонаследника... Так вот.

– Готель «Кронпринц»... Туда и пришлю паспорт. Там получите, – сухо отрезал военный и кивнул, чтобы проходили в отверстие в загородке.

– Нельзя ли хоть квитанцию? Как же без паспорта? В гостинице спросят, – начал было Николай Иванович.

– Зачем квитанцию? Я официальный человек, в форме, – ткнул себя в грудь военный и прибавил: – Ну, добре, добре. Идите в митницу и подождите. Там свой пас получите.

Перед глазами Николая Ивановича была отворенная дверь с надписью «Митница».

Ну братья-славяне!

В белградской митнице, то есть таможене, было темно, неприветливо. Освещалась она всего двумя стенными фонарями со стеариновыми огарками и смахивала со своими подмостками для досматриваемых сундуков на ночлежный дом с нарами. По митнице бродило несколько полицейских солдат в синих шинелях и в кепи с красными околышками. Солдаты были маленькие, худенькие, носатые, нестриженные, давно небритые. Они оглядывали приезжих, щупали их пледы, подушки и связки. Один даже взял коробку со шляпкой Глафиры Семеновны и перевернул ее кверху дном.

– Тише, тише! Тут шляпка. Разве можно так опрокидывать! Ведь она сомнется! – воскликнула Глафира Семеновна и сверкнула глазами.

Полицейский солдат побарабанил пальцами по дну и поставил коробку, спросив с улыбкой:

– Дуван има?

– Какой такой дуван! Ну тебя к богу! Отходи, – отстранил его Николай Иванович.

– Дуван – табак. Он спрашивает вас про табак, – пояснил по-немецки брюнет в очках, спутник Николая Ивановича по вагону, который был тут же со своими саквояжами.

Вообще, приезжих было очень немного, не больше десяти человек, и митница выглядела пустынной. Все стояли у подмостков, около своего багажа и ждали таможенного чиновника, но он не показывался.

Подошел еще солдат, помял подушку, обернутую пледом, у Николая Ивановича и тоже, улыбнувшись, задал вопрос:

– Чай есте?

– Не твое дело. Ступай, ступай прочь... Вы кто такой? Придет чиновник – все покажем, – опять сказал Николай Иванович, отодвигая от него подушку.

– Мы – войник, – с достоинством ткнул себя в грудь солдат.

– Ну и отходи с богом. Мы русские люди, такие же славяне, как и вы, а не жида, и контрабанды на продажу провозить не станем. Все, что мы везем, для нас самих. Понял?

Но сербский полицейский войник только пучил глаза, очевидно ничего не понимая.

– Не особенно-то ласково нас здесь принимают братья-славяне, – обратился Николай Иванович к жене. – Я думал, что как только узнают из паспорта, что мы русские, то примут нас с распростертыми объятиями, а не так, не тем пахнет. На первых же порах за паспорт два гульдена взяли...

– Да сунь ты им что-нибудь в руку. Видишь, у них просящие глаза, – сказала Глафира Семеновна, изнывая около подмостков.

– Э, матушка! За деньги-то меня всякий полюбит даже и не в сербской земле, а в эфиопской, но здесь сербская земля. Неужели же они забыли, что мы, русские, их освободили? Я и сейчас в славянский комитет вношу. Однако что же это таможенный-то чиновник? Да и нашего большого сундука нет, который мы в багаж сдали.

Наконец черномазые бараньи шапки в бараньих куртках внесли в митницу сундуки из багажного вагона.

– Вот наш сундук у красного носа! – указала Глафира Семеновна и стала манить носильщика: – Красный нос! Сюда, сюда! Николай Иваныч! Дай ему на чай. Ты увидишь, что сейчас перемена в разговорах будет.

– И дал бы, да сербских денег нет.

– Дай австрийские. Возьмут.

Сундук поставлен на подмостки. Николай Иванович сунул в руку красному носу крону. Красный нос взглянул на монету и просиял:

– Препоручаем-се, господине! Препоручаем-се... – заговорил он, кланяясь.

Вообще монета произвела магическое действие на присутствующих. Войник, спрашивавший о чае, подошел к Николаю Ивановичу и стал чистить своим рукавом его пальто, слегка замаранное известкой о стену, другой войник начал помогать Глафире Семеновне развязывать ремни, которыми были связаны подушки.

– Не надо, не надо... Оставьте, пожалуйста, – сказала она.

Войник отошел, но, увидя, что у Николая Ивановича потухла папироска, тотчас же достал спички, чиркнул о коробку и бросился к нему с зажженной спичкой.

– Давно бы так, братушка, – проговорил Николай Иванович, улыбаясь, и закурил окурочок папиросы, прибавив: – Ну, спасибо.

Но тут показался таможенный чиновник в статском платье и в фуражке с зеленым околышем. Это был маленький, жиденький, тоже, как почти все сербы, носатый человек, но держащий себя необычайно важно. Его сопровождал человек тоже в форменной фуражке с зеленым околышком, но в овчинной куртке и с фонарем. Таможенный чиновник молча подошел к багажу Глафиры Семеновны, открыл первую картонку со шляпкой и стал туда смотреть, запустив руку под шляпку.

– Моя шляпка, а под ней мой кружевной шарф и вуали, – сказала она. – Пожалуйста, только не мните.

Чиновник открыл вторую картонку тоже со шляпкой и спросил по-русски:

– А зачем две?

– Одна летняя, а другая зимняя, фетровая. У меня еще есть третья. Не могу же я быть об одной! Мы едем из Петербурга в Константинополь. В Петербурге зима, а в Константинополе будет весна. Здесь тоже ни весна, ни зима. Каждая шляпка по сезону.

– Три. Гм... – глубокомысленно улыбнулся чиновник. – А зачем они куплены в Вене? Вот на коробе стоит: «Wien». Новые шляпы.

– Да зачем же их из России-то везти и к тому же старые? – возражала Глафира Семеновна. – Мы едем гулять, я не привыкла потрепанная ходить.

– Гм... Три много.

– А вы женаты? У вашей жены меньше трех?

На поддержку жены выступил Николай Иванович и опять заговорил:

– Мы, милостивый государь, господин брат-славянин, русские, такие же славяне, как и вы, а не жида, стало быть, хоть и с новыми вещами едем, но везем их не на продажу. Да-с... Если у нас много хороших вещей, так оттого, что мы люди с достатком, а не прощельги.

Чиновник ничего не ответил, сделал лицо еще серьезнее, велел сопровождавшему его солдату наклеить на три коробки ярлычки, удостоверяющие, что вещи досмотрены, и приступил к осмотру подушек и пледов, спрашивая мрачно:

– Табак? Чай? Папиросы?

– Смотрите, смотрите, – уклончиво отвечала Глафира Семеновна, ибо в багаже имелись и чай, и папиросы.

Чиновник рылся, нашел жестяную бонбоньерку с шоколадом, открыл ее и понюхал.

– Нет, уж я вас прошу не нюхать! – вспыхнула Глафира Семеновна. – Я после чужих носов есть не желаю. Скажите на милость, нюхать начали!

Чиновник вспыхнул и принялся за осмотр сундука, запуская руку на дно его, вытащил грязное белье, завернутое в газеты, и начал разворачивать.

– Грязное белье это, грязное белье. Оставьте. Впрочем, может быть, тоже хотите понюхать, так понюхайте, – отчеканила ему Глафира Семеновна.

Николай Иванович только вздохнул и говорил:

– А еще брат-славянин! Эх, братя! Русским людям не верите! Приехали мы к вам в гости, как к соплеменным родным, а вы нас за контрабандистов считаете!

Окончив осмотр сундука, чиновник ткнул пальцем в коробок и спросил:

– Тут что?

– Еда, и больше ничего. Сыр есть, ветчина, колбаса, булки, апельсины, – отвечал Николай Иванович.

– Молим показать.

– Только еду не нюхать! Только не нюхать! А то все побросаю, – опять воскликнула Глафира Семеновна, открывая коробок. – Не хочу я и после славянского носа есть.

– Чай? Кружева? – снова задал вопрос чиновник и стал разворачивать завернутую в бумагу и аккуратно уложенную еду.

– Ветчина тут, ветчина.

Чиновник развернул из бумаги нарезанную ломтиками ветчину и опять поднес к носу. Глафира Семеновна не вытерпела, вырвала у него ветчину и швырнула ему ее через голову, прибавив:

– Понюхали и можете сами съесть!

Чиновника покорило. Он засунул еще раз в короб руку и налепил на него пропускной ярлык. С ним заговорил по-сербски брюнет в очках и, очевидно, тоже протестовал и усовещивал бросить такой придирчивый осмотр. Оставалось досмотреть еще саквояж Глафиры Семеновны. Чиновник махнул рукой и налепил на него ярлык без досмотра.

– Слава тебе господи! Наконец-то все кончилось! – воскликнул Николай Иванович. – Грешной душе в рай легче войти, чем через вашу таможню в Белград попасть! Ну братья-славяне! – закончил он и стал связывать подушки.

Зачем войник на козлах?

Таможенный осмотр был окончен. Глафира Семеновна, как говорится, и рвала и метала на таможенного чиновника.

– Носатый черт! Вообрази, он мне всю шляпку измял своими ручищами. Прелестную шляпку с розами и незабудками, которую я вчера купила в Вене у мадам Обермиллер на Роттурмштрассе, – говорила она Николаю Ивановичу. – Послушай... Ведь можно, я думаю, на него нашему консулу жаловаться? Ты, Николай, пожалуйста.

– Хорошо, хорошо, душечка, но прежде всего нужно разыскать наш паспорт, который взяли в прописку.

А носатые войники схватили уже их подушки и саквояжи и потащили к выходу, спрашивая Николая Ивановича:

– Какова гостионица, господине?

– Стойте, стойте, братушки! Прежде всего нужно паспорт... – останавливал он их.

Но паспорт уже нес еще один войник, потрясая им в воздухе и радостно восклицая:

– Овдзе³ пасс!

– Ну, слава богу! – вырвалось у Николая Ивановича. – Пойдем, Глаша.

Он схватил паспорт и направился на подъезд в сопровождении войников и бараньих шапок. Бараньи шапки переругивались с войниками и отнимали у них подушки и саквояжи, но войники не отдавали. Глафира Семеновна следовала сзади. Один из войников, стоя на подъезде, звал экипаж:

– Бре, агояти!⁴ – кричал он, махая руками.

Подъехала карета, дребезжа и остовом, и колесами. На козлах сидела баранья шапка с такими громадными черными усами, что Глафира Семеновна воскликнула:

– Николай Иванович, посмотри, и здесь такие же венгерские цыгане! Взгляни на козлы.

– Нет, друг мой, это братья-славяне.

Между тем войники со словами «молимо, седите» усаживали их в карету и впихивали туда подушки и саквояжи. Большой сундук их две бараньи шапки поднимали на козлы. Глафира Семеновна тщательно пересчитывала свои вещи.

– Семь вещей, – сказала она.

– Седам...⁵ – подтвердил один из войников и протянул к ней руку пригоршней.

Протянул руку и другой войник, и третий, и четвертый, и две бараньи шапки. Послышалось турецкое слово «бакшиш», то есть «на чай».

– Боже мой, сколько рук! – проговорил Николай Иванович, невольно улыбаясь. – Точь-в-точь у нас на паперти в кладбищенской церкви.

Он достал всю имевшуюся при нем мелочь в австрийских крейцерах и принялся надевать, распахивая по рукам. Послышались благодарности и приветствия.

– Захваляем⁶, господине! – сказал один.

– Захваляем... Видетьсмо⁷, – проговорил другой.

– С Богом остаите!⁸

Извозчик с козел спрашивал, куда ехать.

³ Здесь (серб.).

⁴ Эй, извозчик! (серб.)

⁵ Семь (серб.).

⁶ Благодарю! (серб.)

⁷ До свидания! (серб.)

⁸ Прощайте! (серб.)

– В гостиницу престолонаследника! – сказал Николай Иванович.

– Добре! Айде! – крикнули войники и бараньи шапки, и карета поехала по темному пустырю.

Пустырь направо, пустырь налево. Кое-где в потемках виднелся слабый свет. Мостовая была убийственная, из крупного булыжника, карета подпрыгивала и дребезжала гайками, стеклами, шалнерами.

– Боже мой! Да какая же это маленькая Вена! – удивлялась Глафира Семеновна, смотря в окно кареты на проезжаемые места. – Давеча в вагоне брюнет в очках сказал, что Белград – это маленькая Вена. Вот уж на Вену-то вовсе не похоже! Даже и на нашу Тверь их Белград не смахивает.

– Погоди. Ведь мы только еще от станции отъехали. А вон вдали электрический свет виднеется, так, может быть, там и есть маленькая Вена, – указал Николай Иванович.

И действительно, вдали мелькало электричество.

Начались двухэтажные каменные дома, но они чередовались с пустырями. Свернули за угол, и показался первый электрический фонарь, осветивший дома и тротуары, но прохожих на улице ни души. Дома, однако, стали попадаться сплошную, но дома какой-то казенной архитектуры и сплошь окрашенные в белую краску.

– Где же Вена-то? – повторила свой вопрос Глафира Семеновна. – Вот уж и электричество, а Вены я не вижу.

– Матушка, да почему же я-то знаю! – раздраженно отвечал Николай Иванович.

– В Вене оживленные улицы, толпы народа, а здесь никого и на улицах не видать.

– Может быть, оттого, что уж поздно. Десять часов.

– В Вене и в двенадцать часов ночи публика движется вереницами.

– Далась тебе эта Вена! Ну, человек так сказал. Любит он свой город – ну и хвалит его.

– Хорошую ли он нам гостиницу рекомендовал – вот что я думаю. Если у него этот Белград за маленькую Вену идет, так, может быть, и гостиница...

– Гостиница престолонаследника-то? Да он нам вовсе не рекомендовал ее, а только назвал несколько лучших гостиниц, а я и выбрал престолонаследника.

– Зачем же ты выбрал именно ее?

– Слово хорошее... Из-за слова... Кроме того, остальные гостиницы были с французскими названиями. Позволь, позволь... Да ты даже сама решила, что в разных Готель де Пари мы уж и так много раз во всех городах останавливались.

Карета ехала по бульвару с деревьями, красующимися весенними голыми прутьями. Дома выросли в трехэтажные. Навстречу карете по бульвару пробежал вагон электрической конки, вспыхивая огоньками по проволокам.

– Ну, вот тебе и электрическая конка. Может быть, из-за этого-то наш сосед по вагону и сказал, что Белград – маленькая Вена, – проговорил Николай Иванович.

– А в Вене даже и электрической конки-то нет, – отвечала Глафира Семеновна.

В домах попадались лавки и магазины, но они были сплошь заперты. Виднелись незатейливые вывески на сербском и изредка на немецком языках. Глафира Семеновна читала вывески и говорила:

– Какой сербский язык-то легкий! Даже с нашими русскими буквами и совсем как по-русски... Коста Полтаной... Милаи Иованой... Петко Петкович... – произносила она прочитанное. – Вон у них есть буквы, которых у нас нет. Какое-то «ч» кверху ногами и «н» с «ериком» у правой палки, – рассматривала Глафира Семеновна буквы на вывесках.

Показалось большое здание с полосатыми будками и бродившими около него караульными солдатами с ружьями.

– Это что такое за здание? – задал себе вопрос Николай Иванович. – Дворец – не дворец, казармы – не казармы. Для острога – уж очень роскошно. Надо извозчика спросить.

Он высунулся из окна кареты и, указывая на здание пальцем, крикнул:

– Эй, братушка! Извозчик, что это такое? Чей это дом?

С козел отвечали два голоса. Что они говорили, Николай Иванович ничего не понял, но, к немалому своему удивлению, взглянув на козлы, увидел, кроме извозчика, войника, сидевшего рядом с извозчиком. Николай Иванович недоумевал, когда и зачем вскочил на козлы войник, и, подняв стекло у кареты, дрожащим голосом сказал жене:

– Глафира Семеновна! Вообрази, у нас на козлах сидит полицейский солдат.

– Как полицейский солдат? Что ему нужно? – тревожно спросила Глафира Семеновна.

– Ума не приложу. Удивительно, как мы не заметили, что он вскочил к нам на станции железной дороги, потому что иначе ему неоткуда взяться.

– Так прогони его. Я боюсь его, – произнесла Глафира Семеновна.

– Да и я побаиваюсь. Черт его знает, зачем он тут! Что ему нужно?

У Николая Ивановича уже тряслись руки. Он опять опустил стекло у кареты, выглянул в окошко и крикнул извозчику:

– Стой! Стой, извозчик! Остановись!

Но извозчик, очевидно, не понял и не останавливался, а только пробормотал что-то в ответ.

– Остановись, мерзавец! – закричал Николай Иванович еще раз, но тщетно. – Не останавливается, – сообщил он жене, которая уж крестилась и была бледна как полотно. – Войник! Братушка! Зачем ты на козлы влез? Ступай прочь! – обратился он к полицейскому солдату и сделал ему пояснительный жест, чтобы он сходил с козел.

Войник пробормотал что-то с козел, но слезать и не думал. Извозчик усиленно погонял лошадей, махая на них руками. Николай Иванович, тоже уже побледневший, опустил в карете на подушки и прошептал жене:

– Вот что ты наделала своим строптивым характером в таможене! Ты кинула в лицо таможенному чиновнику куском ветчины, и за это нас теперь в полицию везут.

– Врешь... Врешь... Я вовсе и не думала ему в лицо кидать... Я перекинула только через голову... через голову... и ветчина упала на пол... Но ведь и он не имеет права...

Глафира Семеновна дрожала, как в лихорадке.

– Да почему ты знаешь, что в полицию? – спросила она мужа. – Разве он тебе сказал?

– Черт его разберет, что он мне сказал! Но куда же нас иначе могут везти, ежели полицейский с козел не сходит? Конечно же в полицию. О, братья-славяне, братья-славяне! – роптал Николай Иванович, скрежеща зубами и сжимая кулаки. – Хорошо же вы принимаете у себя своих соплеменников, которые вас освободили и за вас кровь проливали!

Глафира Семеновна была в полном отчаянии и бормотала:

– Но ведь мы можем жаловаться нашему консулу... Так нельзя же оставаться. Скажи, крикни ему, что мы будем жаловаться русскому консулу. Выгляни в окошко и крикни! Что ж ты сидишь как истукан! – закричала она на мужа.

Карета свернула в улицу и остановилась у ворот белого двухэтажного дома. С козел соскочил войник и отворил дверцу кареты.

Напрасные страхи

– Приехали... Доплясались!.. А все из-за тебя... – говорил Николай Иванович, забывшись в угол кареты. – А все из-за тебя, Глафира Семеновна. Ну, посуди сама: разве можно в казенного таможенного чиновника бросать ветчиной! Вот теперь и вывертывайся, как знаешь, в полиции.

На глазах Глафиры Семеновны блестели слезы. Она жалась к мужу от протянутой к ней руки войника, предлагающего выйти из кареты, и бормотала:

– Но ведь и он тоже не имел права нюхать нашу ветчину. Ведь это же озорничество...

А войник продолжал стоять у дверей кареты и просил:

– Молимо, мадам, излазте...

– Уходи прочь! Не пойду я, никуда не пойду! – кричала на него Глафира Семеновна. – Николай Иваныч, скажи ему, чтобы он к русскому консулу нас свез.

– Послушайте, братушка, – обратился Николай Иванович к войнику. – Вот вам прежде всего на чай крону и свезите нас к русскому консулу! Полиции нам никакой не надо. Без консула в полицию мы не пойдем.

Войник слушал, пучил глаза, но ничего не понимал. Взглянув, впрочем, на сунутую ему в руку крону, он улыбнулся, сказал: «Захваляем, господине!» – и опять стал настаивать о выходе из кареты.

– Гостиница престолонаследника... Молим... – сказал он и указал на дом.

Николай Иванович что-то сообразил и несколько оживился.

– Постой... – сказал он жене. – Не напрасная ли тревога с нашей стороны? Может быть, этот войник привез нас в гостиницу, а не в полицию? Он что-то бормочет о гостинице престолонаследника. Вы нас куда привезли, братушка, в гостиницу? – спросил он войника.

– Есте.

– В гостиницу престолонаследника?

– Есте, есте, господине, – подтвердил войник.

– Не верь, не верь! Он врет! Я по носу вижу, что врет! – предостерегала мужа Глафира Семеновна. – Ему бы только выманить нас из кареты. А это полиция... Видишь, и дом на манер казенного. Разве может быть в таком доме лучшая в Белграде гостиница!

– А вот пусть он мне укажет прежде вывеску на доме. Ведь уж ежели это гостиница, то должна быть и вывеска, – сообразил Николай Иванович. – Из кареты я не вылезу, а пусти меня на твое место, чтобы я мог выглянуть в окошко и посмотреть, есть ли над подъездом вывеска гостиницы, – обратился он к жене.

Глафира Семеновна захлопнула дверь кареты. В карете начались перемещения. Николай Иванович выглянул в окошко со стороны жены, задрал голову кверху и увидел вывеску, глядящую: «Гостиница престолонаследника».

– Гостиница! – радостно воскликнул он. – Войник не наврал! Можем выходить без опаски!

Как будто какой-то тяжелый камень отвалил от сердца Глафиры Семеновны, и она просияла, но все-таки, руководствуясь осторожностью, еще раз спросила:

– Да верно ли, что гостиница? Ты хорошо ли разглядел вывеску?

– Хорошо, хорошо. Да вот и сама можешь посмотреть.

А войник, между прочим, уж позвонил в подъезд. Распахнулись широкие ворота, заскрипев на ржавых петлях. Из ворот выходили баранья шапка в усах и с заспанными глазами, швейцар в фуражке с полинявшим золотым позументом, какой-то кудрявый малец в опанках (вроде наших лаптей, но из кожи), и все ринулись вытаскивать багаж из кареты. Глафира Семеновна уже не противилась, сама подавала им вещи и говорила мужу:

– Но все-таки нужно попытаться, для чего очутился у нас на козлах полицейский солдат. Ведь без нужды он не поехал бы.

– А вот войдем в гостиницу, там разузнаем от него, – отвечал Николай Иванович. – Я так думаю, что не для того ли, чтоб удостовериться в нашем месте жительства, где мы остановились.

– А зачем им наше жительство?

– Ах, боже мой! А ветчина-то? А таможенный чиновник?

– Дался тебе этот таможенный чиновник с ветчиной! Да и я-то дура была, поверив тебе, что нас везут в полицию за то, что я кусок ветчины в чиновника кинула! Уж если бы этот чиновник давеча обиделся, то сейчас бы он нас и арестовал.

– А вот посмотрим. Неизвестно еще, чем это все разыграется, – подмигнул жене Николай Иванович и, обратясь к швейцару, спросил: – Говорите по-русски? Комнату бы нам хорошую о двух кроватях?

– Есте, есте... Алес вас нур инен гефелих, мейн герр! – отвечал старик швейцар.

– Немец! – воскликнул Николай Иванович. – Боже мой! В славянском городе Белграде – и вдруг немец!

– Срб, срб, господине. Заповедите...⁹

Швейцар поклонился. Войник подскочил к нему и спросил:

– Имали добра соба?¹⁰

– Есте, есте, – закивал швейцар. – Козма! Покажи. Дай, да видит господине, – обратился он к бараньей шапке с заспанными глазами и в усах.

– Отлично говорит по-русски. Не понимаю, что ему вдруг вздумалось из себя немца разыгрывать! – пожал плечами Николай Иванович и вместе с женой отправился в подъезд, а затем вверх по каменной лестнице смотреть комнату.

Лестница была холодная, серой окраски, неприветливая, уставленная чахлыми растениями, без ковра. На площадке стояли старинные английские часы в высоком и узком красного дерева корпусе. Освещено было скудно.

– Неужели это лучшая гостиница здесь? – спрашивала Глафира Семеновна у мужа.

– Да кто ж их знает, милая! Брюнет в очках рекомендовал нам за лучшую.

– Ну, маленькая Вена! И это называется маленькая Вена! Пожалуй, здесь и поесть ничего не найдется? А я есть страсть как хочу.

– Ну как не найтись! Эй, шапка! Ресторан у вас есть?

– Есте, есте, има, господине.

Подскочил к шапке и войник, все еще сопровождавший супругов.

– Има ли што готово да-се еде? – в свою очередь спросил он шапку.

– Има, има, все има... – был ответ.

– Боже мой! Да этот злосчастный войник все еще здесь! – удивилась Глафира Семеновна. – Что ему нужно? Прогони его, пожалуйста, – обратилась она к мужу.

– Эй, шапка! Послушай! Прогони ты, ради бога, этого войника. Чего ему от нас нужно? – сказал Николай Иванович, указывая на полицейского солдата.

Шапка смотрела на Николая Ивановича, но не понимала, что от нее требуют. Николай Иванович стал показывать жестами. Он загородил войнику дорогу в коридор и заговорил:

– Провались ты! Уйди к черту! Не нужно нам тебя! Шапка! Гони его!

Войник протянул руку пригоршней:

– Интерес, господине... Бакшиш...

⁹ Приказывайте (серб.).

¹⁰ Комната (серб.).

– Какой такой бакшиш? Я тебе два раза уж давал бакшиш!.. – обозлился Николай Иванович.

– Он хтыт от нас бакшиш, господине, – пояснила шапка, тыкая себя в грудь, и сказала войнику: – Иде на контора... Там господар...

– Ну, с богом... – поклонился войник супругам и неохотно стал спускаться вниз по лестнице, чтоб обратиться за бакшишем в контору, где сидит «господар», то есть хозяин гостиницы.

– Глаша! Глаша! Теперь объяснилось, отчего войник приехал с нами на козлах, – сказал жене Николай Иванович. – Он приехал сюда, чтобы показать, что он нас рекомендовал в эту гостиницу и сорвать с хозяина бакшиш, интерес, то есть известный процент.

– Есте, есте, господине, – поддакнула шапка.

– Ах вот в чем дело! Ну, теперь я понимаю. Это так... – проговорила Глафира Семеновна. – А давеча ты напугал. Стал уверять, что нас он в полицию везет.

– Да почем же я знал, душечка!.. Мне так думалось.

Они стояли в плохо освещенном широком коридоре. Баранья шапка распахнула им дверь в темную комнату.

– Осам динары за дан... – объявила шапка цену за комнату.

Простой славянский напиток

Кудрявый черномазый малец в опанках втащил в комнату две шестериковые свечи в подсвечниках – и комната слабо осветилась. Это была большая, в три окна, комната со стенами и потолком, раскрашенными по трафарету клеевой краской. На потолке виднелись цветы и пальмовые ветви, по стенам серые розетки в белом фоне. У стен одна против другой стояли две кровати венского типа со спинками из листового железа, раскрашенными как подносы. Перины и подушки на кроватях были прикрыты пестрыми сербскими коврами. Мебель была тоже венская, легкая, с привязными жиденькими подушками к сиденью, на выкрашенном суриком полу лежал небольшой мохнатый ковер. В углу помещалась маленькая изразцовая печка. Показав комнату, баранья шапка спросила:

– Добре, господине?

– Добре-то, добре... – отвечал Николай Иванович, посмотрев по сторонам, – но уж очень темно. Нельзя ли нам лампу подать? Есть у вас лампа?

– Есте, есте... Има, господине, – отвечала шапка. – Дакле с Богом, видетьемо се¹¹, – поклонилась она и хотела уходить.

– Стой, стой! – остановил шапку Николай Иванович. – Мы сейчас умоемся, да надо будет нам поесть и хорошенько чаю напиться, по-русски, знаешь, настоящим образом, на православный славянский манер, с самоваром. Понял?

Баранья шапка слушала и хлопала глазами.

– Не понял. Вот поди ж ты, кажись, уж настоящие славяне, а по-русски иное совсем не понимают, – сказал Николай Иванович жене. – Ясти, ясти... Аз ясти хощу... – начал он ломать язык, обратясь снова к шапке, раскрыл рот и показал туда пальцем.

– Има, господине... – кивнула шапка.

– Да что има-то? Карта есть? Принеси карту кушанья и вин!

– Одна, господине... Упут...¹² – поклонилась шапка и исчезла.

Супруги начали приготовляться к умыванию, но только что Глафира Семеновна сняла с себя лиф и платье, как раздался сильный стук в дверь.

– Кто там? погоди! Карту потом подашь. Прежде дай помыться! – крикнул Николай Иванович, думая, что это баранья шапка с картой кушаний, и снял с себя пиджак.

Стук повторился.

– Говорят тебе, подожди! Не умрешь там.

Николай Иванович снял рукавички и стал намыливать себе руки. Стучать продолжали.

– Врешь, врешь! Над тобой не каплет, – отвечал Николай Иванович и начал мыть лицо.

Стук усиливался, и бормотали два голоса.

– Вот нейметса-то! Ну прислуга! Ломятса, да и шабаш!

Николай Иванович наскоро смыл мыло с лица и приотворил дверь. В коридоре стоял извозчик, которому не заплатили еще денег за привоз с железнодорожной станции. Его привел носатый войник, который ехал на козлах.

– Батюшки! Извозчику-то мы и забыли впопыхах заплатить деньги! – воскликнул Николай Иванович. – Но ты здесь, эфиопская морда, зачем? – обратился он к войнику.

Бормотал что-то по-сербски извозчик, бормотал что-то и войник, но Николай Иванович ничего не понимал.

¹¹ Здесь: до свидания (серб.).

¹² Сейчас (серб.).

– Сейчас. Дай мне только утереться-то. Видишь, я мокрый, – сказал он извозчику и показал полотенце. – Глаша! Чем я с извозчиком рассчитаюсь? У меня ни копейки сербских денег, – обратился он к жене, которая плескалась в чашке.

– Да дай ему рубль, а он тебе сдачи сдаст. Неужто уж сербы-то нашего рубля не знают? Ведь братья-славяне, – отвечала Глафира Семеновна.

Николай Иванович отерся полотенцем, достал рублевую бумажку и, подойдя к полуотворенной двери, сказал извозчику:

– Братушка! Вот тебе наш русский рубль. У меня нет сербских денег. Возьмешь рубль? Извозчик посмотрел на протянутую ему рублевую бумажку и отмахнулся:

– Айа, айа. Треба три динары, – сказал он.

– Фу ты леший! Да если у меня нет динаров! Ну, разменяешь завтра на свои динары. Три динара... Я тебе больше даю. Я даю рубль. Твой динар – четвертак, а я тебе четыре четвертака даю! Бери уж без сдачи. Черт с тобой!

Опять протянута рублевая бумажка. Опять замахал руками извозчик, попятился и заговорил что-то по-сербски.

– Не берет, черномазый, – сказал Николай Иванович жене. – Вот они братья-то славяне! Даже нашего русского рубля не знают. Спасали, спасали их, а они от русского рубля отказываются. Я не знаю, что теперь и делать?

– Да дай ему гульден. Авось возьмет. Ведь на станции австрийскими деньгами рассчитывался же, – сказала Глафира Семеновна, обтирая лицо, шею и руки полотенцем.

– Да у меня и гульдена нет. В том-то и дело, что я на станции все австрийские деньги роздал.

– У меня есть. Два гульдена осталось. Вот тебе.

И Глафира Семеновна подала мужу новенький гульден.

– Братушка! А гульден возьмешь? – спросил Николай Иванович извозчика, протягивая ему монету.

Тот взял гульден и сказал:

– Малко. Иошт треба. Се два с половина динары...

– Мало ему. Нет ли у тебя хоть сколько-нибудь австрийской мелочи? – спросил Николай Иванович.

Глафира Семеновна подала ему несколько никелевых австрийских монеток. Николай Иванович прибавил их к гульдену.

– Захваляем, господине, – поблагодарил извозчик, поклонившись, и тотчас же поделился деньгами с войником, передав ему мелочь.

– Глаша! Вообрази! Почтенный носатый войник и с извозчика нашего сорвал халтуру! – воскликнул Николай Иванович.

– Да что ты! Вот ярыга-то! Славянин ли уж он? Может быть, жид? – выразила сомнение супруга и стала со свечкой оглядывать постель. – Все чисто, – сказала она, заглядывая под ковер. – Мягкий тюфяк на пружинах и хорошее одеяло.

Вскоре явился владелец бараньей шапки, на этот раз уже без шапки и переменяв замасленный серый пиджак на черный. Он внес в комнату лампу, поставил ее на стол и положил около нее тетрадку, составляющую репертуар кушаний и вин ресторана, находящегося при гостинице престолонаследника.

– А! И карточку принес, братушка! Ну, спасибо. Захваляем... – произнес Николай Иванович, запомня часто слышимое им слово, и стал перелистывать книжку.

Книжка была рукописная. Кушанья были в ней названы по-немецки, по-сербски, но написаны преплохим почерком.

– Ну-с, будем читать. Не знаю только, разберем ли мы тут что-нибудь, – сказал он.

– Да не стоит и разбирать, – отвечала Глафира Семеновна. – Все равно, кроме бифштекса, я есть ничего не буду. Бифштекс с картофелем и чаю... Чаю до смерти хочу. Просто умираю.

– Не хочешь ли, может быть, предварительно квасу? – предложил Николай Иванович. – Квас уж наверное в славянской земле есть.

– Пожалуй. Кисленького хорошо. Ужасная у меня после этого переполоха с полицейским солдатом жажда явилась... Знаешь, я не на шутку тогда испугалась.

– Еще бы не испугаться! Я сам струсил.

– Ну, да ты-то трус известный. Ты везде... Есть у вас квас? Славянский квас? – спросила Глафира Семеновна человека, принесшего карту.

Тот выпучил глаза и не знал, что отвечать.

– Квас, квас. Разве не знаешь, что такое квас? – повторил Николай Иванович. – Пить... Пить... – пояснил он.

– Нийе... Не има... – отрицательно потряс головой слуга.

– Странное дело! Славянские люди и простого славянского напитка не имеют!

– Тогда пусть подаст скорее чаю и два бифштекса, – сказала Глафира Семеновна.

– Ну, так вот... Скорей чаю и два бифштекса с картофелем, а остальное мы потом выберем, – обратился к слуге Николай Иванович. – Чай, надеюсь, есть? Чай. По- немецки – те...

– Есте, есте... – кивнул слуга.

– И бифштексы есть?

– Има... Има... Есте.

– Ну, слава богу! Так живо!.. Два бифштекса и чай. Да подать самовар! Два бифштекса. Два... Смотри, не перепутай.

И Николай Иванович показал удаляющемуся слуге два пальца.

Чай по-парижски

– Ну, какие у них там есть кушанья? Прочти-ка... – спросила Глафира Семеновна мужа, вздевшего на нос пенсне и смотрящего в карточку.

– Все разобрать трудно. Иное так написано, словно слон брюхом ползал, – ответил тот. – Но вот сказано: супа...

– Какой суп?

– А кто ж его знает! Просто: супа. Конечно, уж у них особенных разносолов нет. Сейчас видно, что сербы народ неполированный. Хочешь, спросим супу?

– Нет, я не стану есть.

– Отчего?

– Не стану. Кто их знает, что у них там намешано! Посмотри, что еще есть?

– Рыба... Но ведь рыбу ты не станешь кушать.

– Само собой.

– А я спрошу себе порцию рыбы. Только вот не знаю, какая это рыба. Такое слово, что натошак и не выговоришь. Крто... Не ведь что такое!

– Постой... Нет ли какого-нибудь жаркого? – сказала Глафира Семеновна и сама подседа к мужу разбирать кушанья.

– «Печене»... – прочел Николай Иванович. – Вот печенье есть.

– Да ведь печенье это к чаю или на сладкое, – возразила Глафира Семеновна.

– погоди, погоди... Добился толку. Печене – по-ихнему жаркое и есть, потому вот, видишь, сбоку написано по-немецки: братен.

– Да, братен – жаркое. Но какое жаркое?

– А вот сейчас давай разбирать вдвоем. Во-первых, «пиле», во-вторых, «просад».

– А что это значит «пиле»?

– Да кто ж их знает! Никогда я не воображал, что среди этих братьев-славян мы будем как в темном лесу. Разбери, что это такое: «пиле»?

– Может быть, коза или галка.

– Уж и галка!

– Да кто ж их знает! Давай искать телятины. Как телятина по-ихнему?

– Почему же мне-то знать. погоди, погоди. Нашел знакомое блюдо: «Кокош», сбоку по-немецки: хун – курица. Стало быть, «кокош» – курица.

– Скорей же кокош – яйца... – возразила супруга.

– Нет, яйца – «яе». Вот они в самом начале, а сбоку по-немецки: «енер».

– «Чурка», «зец»... – читала Глафира Семеновна. – Не знаешь, что это значит?

– Душенька, да ведь я столько же знаю по-сербски, сколько и ты, – отвечал Николай Иванович.

– Ищи телятину или телячьи котлеты.

– Да ежели нет их. Стой! Еще знакомое блюдо нашел! «Овече мясо», – прочел Николай Иванович. – Это баранина. Хочешь баранины?

– Бог с ней. Свечным салом будет пахнуть, – поморщилась Глафира Семеновна. – Нет, уж лучше яиц спроси. Самое безопасное! Наверное не ошибешься.

– Стоило из-за этого рассматривать карточку!

Показался слуга. Он внес два подноса. На каждом подносе стояло по чайной чашке, по блюдечку с сахаром, по маленькому мельхиоровому чайнику и по пол-лимона на тарелочке.

– Что это?! – воскликнул Николай Иванович, указывая на подносы.

– Чай, господине, – отвечал слуга.

– А где ж самовар? Давай самовар.

Слуга выпучил глаза и не знал, что от него требуют.

– Самовар! – повторил Николай Иванович.

– Темашине... – прибавила Глафира Семеновна по-немецки.

– А, темашине... Нема темашине... – покачал головой слуга.

– Как нема! В славянской земле, в сербском городе Белграде, да чтоб не было самовара к чаю! – воскликнули в один голос супруги. – Не верю.

– Нема... – стоял на своем слуга.

– Ну, так, стало быть, у вас здесь не славянская гостиница, а жидовская, – сказал Николай Иванович. – И очень мы жалеем, что попали к жидам.

Глафира Семеновна сейчас открыла чайники, понюхала чай и воскликнула:

– Николай! Вообрази, и чай-то не по-русски заварен, а по-английски, скипечен. Точь-в-точь такой, что нам в Париже в гостиницах подавали. Ну что ж это такое! Даже чаю напиться настоящим манером в славянском городе невозможно!

Слуга стоял и смотрел совсем растерянно.

– Кипяток есть? Вода горячая есть? – спрашивала у него Глафира Семеновна. – Понимаешь, горячая теплая вода.

– Топла вода? Има... – поклонился слуга.

– Ну, так вот тебе чайник и принеси сейчас его полный кипятком.

Глафира Семеновна подала ему свой дорожный металлический чайник.

– Да тащи скорей сюда бифштексы! – прибавил Николай Иванович.

Слуга кисло улыбнулся и сказал:

– Нема бифштексы.

– Как нема? Ах ты, разбойник! Да что же мы будем есть? Ясти-то что мы будем?

– Нема, нема... – твердил слуга, разводя руками, и начал что-то доказывать супругам, сороговоркой бормоча по-сербски.

– Не болтай, не болтай... Все равно ничего не понимаю! – махнул ему рукой Николай Иванович и спросил: – Что же у вас есть нам поесть? Ясти... Понимаешь, ясти!

– Овече мясо има... – отвечал слуга.

– Только? А кокош? Есть у тебя кокош жареный? Это по-нашему курица. Печене кокош?

– Кокош? Нема кокош.

– И кокош нема? Ну, просад тогда. Вот тут стоит какой-то просад, – ткнул Николай Иванович пальцем в карту кушаний.

– Просад? Нема просад, – отрицательно потряс головой слуга.

– Да у вас, у чертей, ничего нет! Ловко. Рыба, по крайней мере, есть ли?

– Нема риба.

– Ну, скажите на милость, и рыбы нет! Решительно ничего нет. Что же мы есть-то будем?

– Из своей провизии разве что-нибудь поесть? – отвечала Глафира Семеновна. – Но ветчину я в таможе кинула. Впрочем, сыр есть и икра есть. Спроси, Николай, яиц и хлеба. Яйца уж наверное есть. Яиц и хлеба. Да хлеба-то побольше, – обратилась она к мужу.

– Ах вы несчастные, несчастные! – покачал головой Николай Иванович.

– Вечер, господине, ночь, господине... – разводил руками слуга, ссылаясь на то, что теперь поздно. – Единаесты саат¹³, – прибавил он.

– Ну, слушай, братушка. Яйца уж наверное у вас есть. Яе...

– Яе? Има... Есте, есте.

– Ну, так принеси десяток яиц вкрутую или всмятку, как хочешь. Десять яе! И хлеба. Да побольше хлеба. Понимаешь, что такое хлеб?

– Хлеб? Есте.

¹³ Одиннадцатый час (серб.).

– Ну, слава богу. Да кипятку вот в этот чайник... И две порции овечьего мяса.

– Овечье мясо? Есте.

– И десяток яиц. – Николай Иванович растопырил перед слугой все десять пальцев обеих рук и прибавил: – Только скорей.

– Нет, какова славянская земелька! – воскликнул он. – В столичном городе Белграде, в лучшей гостинице не имеют самовара и в одиннадцать часов вечера из буфета уж ничего получить нельзя!

Но супругов ждало еще большее разочарование. Вскоре слуга вернулся, и хотя принес, что от него требовали, но овечье мясо оказалось холодное, яйца были сырые, хлеб какой-то полубелый и черствый, а вместо кипятку в чайнике была только чуть теплая вода. Он начал пространно говорить что-то в свое оправдание, но Николай Иванович вспылil и выгнал его вон.

– Делать нечего! Придется чайничать так, как в Париже чайничали! – вздохнула Глафира Семеновна, вынимая из саквояжа дорожный спиртовой таган, бутылку со спиртом и принялась кипятить воду в своем металлическом чайнике.

В комнату вошла заспанная горничная с целой копной волос на голове, принялась стелить чистое белье на постели, остановилась и в удивлении стала смотреть на хозяйничанье Глафиры Семеновны.

– Чего смотришь? Чего рот разинула? – сказала ей Глафира Семеновна. – У, дикая! – прибавила и улыбнулась.

Завтрак

Утром супруги Ивановы долго бы еще спали, но раздался стук в дверь. Глафира Семеновна проснулась первая и стала будить мужа. Тот не просыпался. Стук усиливался.

– Николай! Кто-то стучит из коридора. Уж не случилось ли чего? Встань, пожалуйста, и посмотри, что такое!.. – закричала она. – Может быть, пожар!

При слове «пожар» Николай Иванович горохом скатился с постели и бросился к двери.

– Что там? Что надо?! – кричал он.

За дверью кто-то бормотал по-сербски. Николай Иванович приотворил дверь и выглянул в коридор. Перед ним стоял вчерашний черномазый малец в опанках и подавал выставленные с вечера для чистки сапоги Николая Ивановича, а сзади мальчика лежала маленькая вязанка коротеньких дубовых дров.

– И из-за сапогов ты смеешь нас будить! – закричал на него Николай Иванович, схватив сапоги. – Благодарю Бога, что я раздет и мне нельзя выскочить в коридор, а то я задал бы тебе, косматому, трепку! Черт! Не мог поставить вычищенные сапоги у дверей!

Малец испуганно попятился, но, указывая на вязанку дров, продолжал бормотать. Слышались слова: «дрова... студено...»

– Вон! – крикнул на него Николай Иванович и захлопнул дверь, шелкнув замком. – Вообрази, вчерашний черномазый малец принес сапоги и дрова и лезет к нам топить печь, – сказал он.

– Смеет будить, каналья, когда его не просили! – Глафира Семеновна потягивалась на постели. – Да, порядки-то здесь, посмотрю я, как у нас в глухой провинции на постоянных дворах. Помнишь, в Тихвин на богомолье ездили и остановились на постоялом дворе?

– В Тихвине на постоялом дворе нас хоть кормили отлично. Мы также приехали вечером и сейчас же нам дали жирных горячих щей к ужину и жареного поросенка с кашей, – отвечал Николай Иванович. – А здесь в Белграде вчера, кроме холодной баранины и сырых яиц, ничего не нашлось для нас. Там в Тихвине действительно подняли нас утром в шесть часов, но шумели постояльцы, а не прислуга.

– Так-то оно так, но на самом деле уж пора и вставать. Десятый час, – проговорила Глафира Семеновна и стала одеваться.

Одевался и Николай Иванович и говорил:

– Придется уж по утрам кофей пить, как в немецких городах. Очевидно, о настоящем чае и здесь мечтать нечего. Самовара в славянской земле не знают! – негодовал он. – Ах, черти!

Надев сапоги и панталоны, он подошел к электрическому звонку, чтоб вызвать прислугу и приказать подать кофе с хлебом, и остановился перед надписью над звонком, сделанной по-сербски и по-немецки и гласящей, кого из прислуги сколькими звонками вызывать.

– Ну-ка, будем начинать учиться по-сербски, – сказал он. – Есть рукописочка. Вот вчерашний черномазый слуга, не могший хлопотать нам даже бифштексов к ужину, по-сербски так же называется, как и по-немецки, – келнер. Разница только, что мягкого знака нет. А девушка – медхен по-немецки – по-сербски уж совсем иначе: «собарица».

– Как? – спросила Глафира Семеновна.

– Собарица. Запомни, Глаша.

– Собарица, собарица... – повторила Глафира Семеновна. – Ну, да я потом запишу.

– А вот малец в опанках, что сейчас нас разбудил, называется покутарь. Запомни: «покутарь»... Его надо вызывать тремя звонками, собарицу – двумя, а келнера – одним. «Едан пут»... Ейн маль – по-немецки, а по-русски – один раз. Будем звонить келнера...

И Николай Иванович, прижав пуговку электрического звонка, позвонил один раз.

– Погоди. Дай же мне одеться настоящим манером, – сказала Глафира Семеновна, накидывая на себя юбку. – Ведь ты зовешь мужчину.

– Поверь, что три раза успеешь одеться, пока он придет на звонок.

Николай Иванович не ошибся. Глафира Семеновна умылась и надела на себя ночную кофточку с кружевами и прошивками, а «келнер» все еще не являлся. Пришлось звонить вторично. Николай Иванович подошел к окну, выходявшему на улицу. Улица была пустынна, хотя перед окном на противоположной стороне были два магазина с вывешенными на них шерстяными и бумажными материями. Только приказчик в пиджаке и шляпе котелком мел тротуар перед лавкой да прошла баранья шапка в куртке и опанках, с коромыслом на плече, по концам которого висели вниз головами привязанные за ноги живые утки и куры.

– Посмотри, посмотри, Глаша, живых птиц, привязанных за ноги, тащат! – крикнул Николай Иванович жене и прибавил: – Вот где обществу-то покровительства животным надо смотреть!

– Ах, варвары! – воскликнула Глафира Семеновна, подойдя к окну.

– Да, по всему видно, что это серый, неполированный народ. Ну, убей их, а потом и тащи. А то без нужды мучить птиц! Однако кельнер-то не показывается.

Николай Иванович позвонил в третий раз. Явилась черноглазая горничная с копной волос на голове, та самая, что вчера стелила белье на постель.

– Собарица? – спросил ее Николай Иванович.

– Собарица, – кивнула та. – Што вам е по воли? Заповедите¹⁴.

– Ужасно мне нравится это слово – собарица, – улыбнулся Николай Иванович жене.

– Ну, ну, ну... – сморщила брови Глафира Семеновна. – Прошу только на нее особенно не заглядываться.

– Как тебе не стыдно, душечка! – пожал плечами Николай Иванович.

– Знаю я, знаю вас! Помню историю в Париже, в гостинице. Это только у вас память коротка.

– Мы, милая собарица, звали кельнера, а не вас, – обратился к горничной Николай Иванович.

– Вот уж ты сейчас и «милая», и все... – укорила его жена.

– Да брось ты. Как тебе не стыдно! С прислугой нужно быть ласковым.

– Однако ты не называл милым вчерашнего эфиопа!

– Кафе нам треба, кафе. Два кафе. Скажите кельнеру, чтобы он принес нам два кафе с молоком. Кафе, молоко, масло, хлеб, – старался сколь можно понятливее отдать приказ Николай Иванович и спросил: – Поняли?

– Кафе, млеко, масло, хлеб? Добре, господине, – поклонилась горничная и удалилась.

– Сейчас мы напьемся кофею, оденемся и поедем осматривать город, – сказал Николай Иванович жене, которая, все еще надувши губы, стояла у окна и смотрела на улицу.

– Да, но только надо будет послать из гостиницы за извозчиком, потому вот уж я сколько времени стою у окна и смотрю на улицу – на улице ни одного извозчика, – отвечала Глафира Семеновна.

– Пошлем, пошлем. Сейчас вот я позвоню и велю послать.

– Только уж, пожалуйста, не вызывайте этой собарицы!

– Позволь... Да кто же ее вызывал? Она сама явилась.

– На ловца и зверь бежит. А ты уж сейчас и улыбки всякие перед ней начал расточать, плотоядные какие-то глаза сделал.

– Оставь, пожалуйста. Ах, Глаша, Глаша!

¹⁴ Что вам угодно? Прикажете (серб.).

Показался кельнер и принес кофе, молоко, хлеб и масло. Все это было прилично сервировано.

– Ну вот, что на немецкий манер, то они здесь отлично подают, – проговорил Николай Иванович, усаживаясь за стол. – Вот что, милый мужчина, – обратился он к кельнеру, – нам нужно извозчика, экипаж, чтобы ехать. Так вот приведите.

– Экипаже? Има, има, господине! – И кельнер заговорил что-то по-сербски.

– Ну, довольно, довольно... Понял, и уходи! – махнул ему Николай Иванович.

Через час Николай Иванович и разряженная Глафира Семеновна сходили по лестнице в подъезд, у которого их ждал экипаж.

Осмотр города

– Помози Бог! – раскланялся швейцар с постояльцами.

– Добро утро! – робко произнес малец в опанках, который был в подъезде около швейцара.

Затем швейцар попросил у Николая Ивановича на немецком языке дать ему визитную карточку, дабы с нее выставить его фамилию на доске с именами постояльцев. Николай Иванович дал.

– Никола Иванович Иванов, – прочел вслух швейцар и спросил: – Экселенц?¹⁵

– Какое! – махнул рукой Николай Иванович. – Простой русский человек.

– Эфенди? – допытывался швейцар. – Офицер? С Петроград?

– Ну, пусть буду эфенди с Петроград.

Экипаж, который ждал супругов у подъезда, был той же самой каретой, в которой они приехали в гостиницу со станции, на козлах сидела та же баранья шапка в длинных усах, которая вчера так долго спорила с Николаем Ивановичем, не принимая русского рубля. Увидав карету и возницу, супруги замахали руками и не хотели в нее садиться.

– Нет, нет! Что это за экипаж! Неужто вы не могли лучшего нам припасти! – закричал Николай Иванович, обращаясь к швейцару. – И наконец, нам нужен фаэтон, а не карету. Мы едем смотреть город. Что мы увидим из кареты? Приведи другой экипаж.

– Нема другой.

– Как нема? Нам нужен открытый экипаж, фаэтон.

– Будет фаэтон, – сказал возница, слыша разговор, соскочил с козел и стал превращать карету в фаэтон, так как она изображала из себя ландо, в нескольких местах связанное по шарнирам веревками. Он вынул нож, перерезал веревки и стал откидывать верх. – Добре буде. Извольте сести, – сказал он наконец, сделав экипаж открытым.

Супруги посмотрели направо и налево по улице, экипажа другого не было, и пришлось садиться в этот.

Экипаж помчался, дребезжа гайками и стеклами.

– Куда возити? – обратился к супругам извозчик.

– Семо и овамо, – отвечал Николай Иванович, припоминая старославянские слова и приспособляясь к местному языку. – Смотреть град... Град ваш видити... улицы, дворец.

– Град пазити? Добре, господине.

Проехали одну улицу, другую – пусто. Кое-где виднеется пешеход, редко два. Женщин еще того меньше. Прошел офицер в серо-синем пальто и такой же шапочке-скуфейке, гремя кавалерийской саблей, – совсем австриец и даже монокль в глазу на излюбленный австрийский кавалерийский манер. Он посмотрел на Глафиру Семеновну и улыбнулся.

– Чего он зубы скалит? – спросила та мужа.

– Душечка, у тебя уж крылья очень велики на новой шляпке – вот он, должно быть...

– Да ведь это последний фасон из Вены.

– Все-таки велики. Ты знаешь, в карету ты и не влезла в этой шляпке. Ведь каланча какая-то с крыльями и флагами у тебя на голове.

– Выдумайте еще что-нибудь!

Въехали в улицу с магазинами в домах. На окнах – материи, ковры, шляпки, мужские шляпы и готовое платье, но ни входящих, ни выходящих из лавок не видать. Прошла через улицу баба, совсем наша русская баба в ситцевом платке на голове и в ситцевом кубовом платье. Она несла на плече палку, а на концах палки были глиняные кувшины с узкими гор-

¹⁵ Превосходительство (серб.).

лами, привязанные на веревках. Прошел взвод солдат, попался один-единственный экипаж, еще более убогий, чем тот, в котором сидели супруги.

– Вот тебе и маленькая Вена! Очень похожа! – иронически восклицала Глафира Семеновна. – Где же наконец дамы-то? Мы еще не видели ни одной порядочной дамы.

– А вон наверху в окне дама подол у юбки вытряхает, – указал Николай Иванович.

Действительно, во втором этаже выбеленного известкой каменного дома стояла у окна, очевидно, «собарица» и вытрясала выставленный на улицу пыльный подол женского платья. Немного подальше другая такая же «собарица» вывешивала за окно детский тюфяк с большим мокрым пятном посредине.

Выехали на бульвар. Стали попадаться дома с лепной отделкой и выкрашенные не в одну только белую краску. Здания стали выше. Прощмыгнул вагон электрической конки, но наполовину пустой.

– Какая это улица? Как она называется? – спросил Николай Иванович у извозчика.

– Княже Михаила, а тамо Терезия улица... – отвечал извозчик, указывая на продолжение улицы.

Улица эта со своими зданиями действительно смахивала немножко на Вену в миниатюре, если не обращать внимания на малолюдность, и Глафира Семеновна сказала:

– Вот эту-то местность, должно быть, наш сербский брюнет и называл маленькой Веной.

Показалась площадь с большим зданием.

– Университет, – указал извозчик.

Ехали далее. Показалось двухэтажное красивое здание с тремя куполами, стояли будки и ходили часовые.

– Кралев конак, – отрекомендовал опять извозчик.

– Конак – это дворец! Королевский дворец, – пояснил жене Николай Иванович и спросил возницу: – Здесь и живет король?

– Не... Овзде краль. Малы конак, – указал он на другое здание, рядом.

– Вот видишь, у них два дворца – большой и малый. Король живет в малом, – сказал Николай Иванович и указал на следующее здание, спросив возницу: – А это что?

– Кролевско министерство, – был ответ.

– Дама, дама идет! Даже две дамы! – воскликнула Глафира Семеновна, указывая на идущих им навстречу дам. – Ну вот посмотри на них. Разве у них перья на шляпках ниже моих? – спросила она.

– Да, тоже двухэтажные, но у тебя все-таки выше. У тебя какой-то мезонин еще сверху.

– Дурак, – обиделась Глафира Семеновна. – Не понимаешь женских мод. Слушайте, извозчик, свезите нас теперь посмотреть Дунай. Понимаете: река Дунай. Так по-вашему она зовется, что ли? – обратилась она к вознице.

– Есте, есте. Найприе¹⁶ треба твердыня пазити¹⁷, – отвечал тот.

– Ну, твердыню так твердыню, – согласился Николай Иванович, поняв, что твердыня крепость, и прибавил: – Слова-то у них... Только вдуматься надо – и сейчас поймешь...

Возница погнал лошадей в гору и опять стал спускаться. Стали попадаться совсем развалившиеся домишки, иногда просто мазанки. У некоторых домишек прямо не хватало сбоку одной стены, то там, то сям попадались заколоченные досками окна. В более сносных домишках были кофейни с вывесками, гласящими «Кафана». Над дверями висели колбасы, попадались цирюльни, в отворенные двери которых были видны цирюльники, бреющие подбородки черноусых субъектов. Народу стало попадаться по пути больше, но все это был простой народ в опанках и бараньих шапках, бабы в ситцевых платках. То там, то сям мелькали лавчонки

¹⁶ Прежде (серб.).

¹⁷ Крепость смотреть (серб.).

ремесленников, тут же на порогах своих лавчонок занимающихся своим ремеслом. Вот на ржавой вывеске изображены ножницы и надпись «Терзия»¹⁸, а на пороге сидит портной и ковыряет иглой какую-то материю. Далее слесарь подпиливает какой-то крюк.

– Стари туркски град, – отрекомендовал возница местность.

– Старый турецкий город, – пояснил Николай Иванович жене.

– Понимаю, понимаю. Неужто уж ты думаешь, что я меньше твоего понимаю по-сербски, – отвечала та, сморщила нос и прибавила: – А только и вонища же здесь!

Действительно, на улице была грязь непролазная и благоухала, как помойная яма.

¹⁸ Портной (серб.).

У менялы из Одессы

– Ина мнози турки здесь? – спрашивал Николай Иванович возницу, ломая язык и думая, что он говорит по-сербски.

– Мало, господине. Свагдзе¹⁹ србски народ. Стари турски град.

– Теперь мало турок. Это старый турецкий город, – опять пояснил жене Николай Иванович.

– Пожалуйста, не объясняй. Все понимаю, – отвечала та. – Вот еще какой профессор сербского языка выискался!

Начали снова подниматься в гору. Поперек стояла крепостная стена, начинающая уже сильно разрушаться. Проехали ворота с турецкой надписью над ними, оставшейся еще от прежнего, турецкого владычества. Стали появляться солдаты, мелкие, плохо выправленные. Они с любопытством смотрели на экипаж, очевидно бывающий здесь редким гостем. Опять полуразрушенные стены, небольшой домик с гауптвахтой. На крепостных стенах виднелось еще кое-где забытое изображение луны. Опять проехали крепостные ворота. Около стен везде валяется щебень. А вот овраг и свалка мусора. Виднеются черепки битой посуды, куски жести, изломанные коробки из-под чего-то, тряпки, стоптанный башмак. Дорога шла в гору террасами. Наконец открылся великолепный вид на две реки.

– Сава... Дунай... – указал возница на впадающую в Дунай Саву.

– «На Саву, на Драву, на Синий Дунай», – сказал Николай Иванович и прибавил: – Это в какой-то песне поется.

– Кажется, ты сам сочинил эту песню, – усомнилась Глафира Семеновна.

– Ну вот... Почему же мне река Драва-то вспомнилась?

– В географии учил.

На Дунае и на Саве виднелись мачтовые суда и пароходы, стоявшие на якорях, но движения на них и около них, по случаю ранней еще весны, заметно не было.

Стали подниматься еще выше. Показались казармы, затем еще здание.

– Госпиталь, – пояснил возница. – Ключ, кладенац²⁰, – указал он на третье облупившееся и обсыпавшееся зданище.

Проехали еще. Стояла часовня.

– Русьца црква... – сказал опять возница.

– Как русская? – воскликнул Николай Иванович. – Глаша! Русская церковь. Зайдем посмотреть?

Но Глафира Семеновна ничего не ответила. Ей не нравилось, что муж по-прежнему продолжает переводить сербские слова.

На пути была башня «Не бойся». Возница и на нее указал, назвав ее.

– Так она и называется «Не бойся»? – спросил Николай Иванович.

– Есте, господине.

– Отчего так называется? Почему? Зачем?

Возница понял вопросы и стал объяснять по-сербски, но супруги ничего не поняли. Глафира Семеновна тотчас же уязвила мужа и спросила:

– Профессор сербского языка, все понял?

– Нет. Но вольно ж ему так тараторить, словно орехи на тарелку сыплет. Все-таки, я тебе скажу, он хороший чичероне.

Достигнув верхней крепости, начали спускаться вниз к Дунаю.

¹⁹ Везде (серб.).

²⁰ Колодец (серб.).

– Ну, теперь пусть свезет в меняльную лавку, – сказала Глафира Семеновна мужу. – Ведь у тебя сербских денег нет. Надо разменять да пообедать где-нибудь в ресторане.

– Братушка! В меняльную лавку! – крикнул Николай Иванович вознице. – Понял?

Тот молчал.

– К меняле, где деньги меняют. Деньги... Неужели не понимаешь? Русски деньги – сербские деньги.

В пояснение своих слов Николай Иванович вытащил трехрублевую бумажку и показал вознице.

– Вексельбуде... – пояснила Глафира Семеновна по-немецки.

– А пара... Новце...²¹ Сараф...²² Добре, добре, господине, – догадался возница и погнал лошадей.

Возвращались уж через базар. Около лавчонок и ларьков висели ободранные туши баранов, бродили куры, гуси, утки. По мере надобности их ловили и тут же резали для покупателя. На базаре все-таки был народ, но простой народ, а интеллигентной, чистой публики, за исключением двух священников, и здесь супруги никого не видали. К экипажу их подскочила усатая фигура в опанках и в бараньей шапке и стала предлагать купить у нее пестрый сербский ковер. Подскочила и вторая шапка с ковром, за ней третья.

– Не надо, не надо! – отмахивался от них Николай Иванович.

Глафира Семеновна смотрела на народ на базаре и дивилась:

– Но где же чистая-то публика! Ведь сидит же она где-нибудь! Я только двух дам и видела на улице.

Наконец возница остановился около лавки с вывеской: «Сараф». Тут же была и вторая вывеска, гласившая: «Дуван»²³ (то есть «Табак»). На окне лавки лежали австрийские кредитные билеты и между ними русская десятирублевка, а также коробки с табаком, папиросами, мундштуки, несколько карманных часов, две-три часовые цепочки и блюдечко с сербскими серебряными динариями.

– Сафар, сафар! – твердил Николай Иванович, выходя из экипажа. – Сафар. Вот как меняла-то по-сербски. Надо запомнить.

Вышла и Глафира Семеновна. Они вошли в лавочку. Запахло чесноком. За прилавком сидел средних лет черный как жук бородатый человек в сером пиджаке и неизменно грязных рукавчиках сорочки и, держа в глазу лупу, ковырял инструментом в открытых часах.

– Молим вас менять русски деньги, – начал Николай Иванович ломать русский язык, обращаясь к ковырявшему часы человеку.

– Разменять русские деньги? Сколько угодно. Люблю русские деньги, – отвечал с заметным еврейским акцентом чернобородый человек, вынимая из глаза лупу и поднимаясь со стула. – У вас что, сторублевова бумажка?

– Вы говорите по-русски? Ах, как это приятно! – воскликнула Глафира Семеновна. – А то здесь так трудно, так трудно с русским языком.

– Я говорю, мадам, по-русски, по-сербски, по-немецки, по-болгарски, по-итальянски, по-турецки, по-французски, по-венгерски... – поклонился меняла. – Даже и по-армянски...

– Ну, нам и одного русского довольно, – перебил его Николай Иванович.

– Нет, в самом деле, я на какова угодно языка могу... Я жил в Одесса, жил в Константинополь... Ривка! – крикнул меняла в комнату за лавкой, откуда слышался стук швейной машины. – Ривке! Давай сюда два стул! Хорошие русские господа приехали! Так вам разменять сторублевова бумажку на сербская бумажки? Сегодня курс плох. Сегодня мы мало даем.

²¹ Деньги (серб.).

²² Меняла (серб.).

²³ Табак (серб.).

Не в счастливый день вы приехали. А вот позвольте вам представить моя жена. По-русскому Софья Абрамовна, – указал он на вышедшую из другой комнаты молодую, красивую, но с грязной шеей женщину в ситцевом помятом платье и с искусственной розой в роскошных черных волосах. – Вот, Ривке, наши русскова соотечественники из Одесса.

– Нет, мы из Петербурга, – сказала Глафира Семеновна.

– Из Петербурга? О, еще того лучше!

Ривка поклонилась как институтка, сделал книксен, и стала просить присесть посетителей на стулья.

– Стало быть, вы русский подданный, что называете нас своими соотечественниками? – спросил Николай Иванович, садясь и доставая из кармана бумажник.

– О, я был русскова подданный, но я уехал в Стамбул, потом уехал в Каир, потом уехал в Вена... Я и сам теперь не знаю, какой я подданный, – отвечал меняла улыбаясь. – В самом деле, не знаю, какой я подданный. Жена моя из Румыния, из Бухарест, но говорит по-русски. Ривке! Говори, душе моя, по-русскому.

– Теперь в Петербурге очень холодно? – задала вопрос Ривка.

– Да, когда мы недели полторы тому назад уехали из Петербурга, было десять градусов мороза, – отвечал Николай Иванович и вынул из бумажника сотенную новенькую бумажку.

Еле вырвались

– Вам что же: серебром выдать, золотом или банковыми билетами? – спросил меняла, любуясь на новую сторублевую бумажку.

Николай Иванович замаялся.

– Да куда же все серебром-то? Это уж очень много будет. У меня и в кошелек не влезет, – отвечал он. – Дайте золотом, серебром и билетами.

– А по сколько? Здесь в Белграде курс разный! На золото один, на серебро другой, на кредитнона билеты третий. Золотом дают сегодня за сто рублей 263 с половиной динара, серебром 266, а билетами 270.

– Бери билетами и серебром. Ведь это же выгоднее, – сказала мужу Глафира Семеновна и спросила менялу: – А билеты везде берут?

– Везде, везде, мадам. Как в России ваши кредитные билеты везде ходят отлично, так точно здесь билеты сербского банка. Разумеется, вам и билетами выгоднее платить. Я вам дам так: на десять рублей серебром, а на девяносто билетами, – обратился меняла к Николаю Ивановичу. – И так как вы мой соотечественник, то и серебро и билеты буду считать по 270 динаров за сто. Это я делаю для того, что люблю русских.

– Ну, давайте.

– Едан, два, три... – начал отсчитывать меняла, звеня серебряными динарами. – Седам, осам, девет... еданаест, дванаест, триннаест... двадесять, двадесять и едан, двадесять и два... Тут вот есть с маленькова дырочки, но в Сербии и с дырочки серебряные динары ходят, – сказал он и, отсчитав серебро, полез в ящик прилавка за билетами.

Вскоре сербские деньги были отсчитаны. Меняла дал на два динара и цинковых разменных монет по двадцати, десяти и пяти пара, объяснив, что в динаре содержится сто пара.

– Как во Франции во франке сто сантимов, – сказала Глафира Семеновна. – Понимаем.

– Да ведь динар тот же франк, но только сербский. Здесь французскова система, – кивнул меняла. – А теперь, если вы любитель старинных монет, не желаете ли вы купить у меня самаво редкова монет от Бизанц?.. – обратился он к Николаю Ивановичу. – Есть от император Теодосий, есть от Константин.

– Нет-нет. На кой они мне шут!

– Для своего русского соотечественник я дешево бы продал.

– Бог с ними. Прощайте. Поедем, Глафира Семеновна, – стал звать жену Николай Иванович.

– Пойдите трошечки, ваше превосходительство, – удержал его еврей. – Тогда часы английскова с музыкой не хотите ли купить?

– Не надо. Ничего не надо, – махнул рукой Николай Иванович.

– А то самый древний кадьльница есть от Бизанцский царства?

– Нет-нет. Не затем приехали.

– Да вы посмотрите прежде. Такова кадьльница в парижском музеум нет!

И еврей-меняла вытащил из-под прилавка какую-то решетчатую серебряную чашку с крышкой и с изображением на ней креста.

– Спасибо, спасибо. Мы приехали не покупать, а погулять. Пойдем, Глаша!

Николай Иванович направился к двери.

– Но вы посмотрите хоть, каково у меня перстень есть с большого аметист от царь Палеолог, – загородил ему дорогу еврей-меняла.

– Спасибо, спасибо. Мы путешественники, а не собиратели редкостей.

– Тогда, может быть, для мадам сшить чего не надо ли? Моево жена портниха и по последнево парижскаво мода шьет. Ривке! Да что же ты стоишь! Покажи благороднова даме своя работа, – крикнул еврей-меняла на свою жену.

Та бросилась было в комнату за лавкой, но Глафира Семеновна крикнула ей:

– Не трудитесь показывать! Я все наряды в Вене для себя закупила.

Супруги вышли на улицу к экипажу. Еврей-меняла выскочил за ними, усадил их в экипаж и стал расспрашивать о чем-то возницу по-сербски.

– Трогай! – крикнул Николай Иванович вознице. – Айда!

Лошади помчались. Еврей-меняла покачал головой и крикнул:

– Ай, какова вы экономный генерал!

При слове «генерал» Николай Иванович самодовольно улыбнулся.

– Вот неотвязный-то жидюга! – сказал он жене. – А удивительное дело, Глаша, что за границей меня многие за генерала принимают. Должно быть, моя физиономия...

– Брось... – махнула ему рукой Глафира Семеновна. – Ты видишь, что еврей тебе льстит, в душу влезает, а ты уж сейчас и за настоящую монету принимаешь. Ну, однако, я есть хочу. Надо отыскать какой-нибудь ресторан, – переменяла она разговор.

– Да и у меня в животе словно кто на контрабасе играет, – согласился супруг и приказал вознице: – Братушка! Теперь вези нас в ресторан. Но чтобы добре ресторан, самый добре... Понимаешь?

– Есте, есте, господине. Добре гостионица треба, – отвечал возница, погоняя лошадей.

Проехав две улицы, Глафира Семеновна увидела еще двух нарядно одетых дам и девочку и раскритиковала их накидки, будто бы уж старомодные. Наконец возница завернул за угол и остановил лошадей около белого каменного дома.

– Эво гостионица... – сказал он.

В окнах нижнего этажа виднелись сидевшие за столами усатые и бородатые мужчины.

– Смотри, братушка, добре ли этот ресторан? – проговорил Николай Иванович вознице.

– Наиболий²⁴ ресторан, господине. Излазти²⁵.

Супруги вышли из экипажа и вошли в ресторан.

Ресторан представлял собой большую комнату со стойкой, за которой стоял совсем белокурый человек с реденькой бородкой, резко контрастируя с сидящими за столиками смуглыми и черноволосыми, как вороново крыло, мужчинами. На стойке стояли две запыленные искусственные пальмы в горшках, а среди них помещалась группа бутылок, лежали на тарелках оливки и копченая рыба, а также стоял пивной бочонок на подставках, окруженный пивными стаканами. Накурено было до невозможности. В стороне помещался французский бильярд без луз и два человека: один коротенький в гороховом пиджаке, а другой длинный в сером пиджаке – играли на нем карамбольную партию. Мужчины за столиками больше пили пиво или сидели за маленькими чашками кофе, чем ели. За двумя столами играли в карты.

– Да это портерная какая-то, – сказала Глафира Семеновна и остановилась, не зная, идти ли дальше, но к супругам подскочил белокурый человек, выскочивший из-за стойки, и заговорил по-немецки:

– Битте, мадам, битте, мейн герр...²⁶

– Дас ист ресторан? – спросила Глафира Семеновна.

– О, я, мадам, о, я... Битте...

– Эссен-то гут здесь? – в свою очередь задал вопрос Николай Иванович, мешая русские и немецкие слова.

²⁴ Лучший (серб.).

²⁵ Входите (серб.).

²⁶ Пожалуйста, пожалуйста (нем.).

– Аллес вас нур инен гефелиг...²⁷

И белокурый человек стал усаживать супругов за столик.

– Митаг-то есть у вас? Хабензи? – сказал белокурому человеку Николай Иванович.

– Нет, нет. Не стану я есть митаг²⁸, – перебила его Глафира Семеновна и отдала приказ: – Бульон и бифштекс...

– О, я, мадам, – поклонился блондин.

– Ну а я съем чего-нибудь эдакого сербского, посербистее, – проговорил Николай Иванович. – Надо же сербскую кухню попробовать. Гебензи карте.

Блондин придвинул ему карту и отошел к себе за стойку, приставив к супругам черномазого слугу в светлом запятнанном пиджаке и в зеленом коленкором переднике.

Николай Иванович стал рассматривать карточку, как вдруг над его ухом раздался возглас:

– Сретьян дан!²⁹ Велику радость има видеть вас, господине и мадам.

Перед супругами стоял брюнет в очках, сосед их по вагону, и улыбался, скаля белые зубы.

²⁷ Все, что вам угодно (нем.).

²⁸ Обед (нем.).

²⁹ Добрый день (серб.).

Обед по-сербски

Супруги приветствовали, в свою очередь, брюнета в очках. Он подсел к их столику и начал расспрашивать, довольны ли они Белградом, гостиницей, где остановились.

– Ничего, – отвечал Николай Иванович. – На наш Ярославль ваш Белград смахивает, только там все-таки оживленнее на улицах.

– На Ярославль? Гм, гм... – как бы обиделся брюнет и поправил золотые очки на глазах.

– Да, да, – подхватила Глафира Семеновна. – А вы нам сказали, что Белград – маленькая Вена. Вот уж на Вену-то нисколько не похож. Скажите, и отчего так мало публики на улицах? Чистой публики... В особенности дам, – спросила она брюнета.

– Мало публикум? О, это простой день. Данаске петок³⁰, а молим вас посмотреть, сколько публикум в праздник, в неджеля!³¹

– Но дам, дам отчего на улицах совсем не видать – вот что нас удивляет, – сказал Николай Иванович.

– О, наши дамы... Как это по-русски? Наши дамы – добри хозяйки. Наши дамы с свои дети... – рассказывал брюнет, мешая русские и сербские слова и ломая последние умышленно, будто бы для удобопонятности.

То же делал и Николай Иванович.

– Однако что же я обедать-то себе не закажу! – спохватился он. – Вот что, господин, брат-славянин, – обратился он к брюнету в очках. – Молим вас, скажите, какое бы мне сербское кушанье себе заказать? Только такое, чтобы оно было самое сербское.

– Србски? Есте, есте. Это листья от грозде с фарш от овечье мясо и соус от лук.

– Это значит виноградные листья с бараньим фаршем. Грозде – виноград.

– Есте, есте. Ее... – указал брюнет на кушанье, значащееся в карте.

– Добре, добре... Так вот мы и закажем. Кельнер! Два бульон, два бифштекс и одну порцию вот этого сербского добра. Тащи! – отдал Николай Иванович приказ стоявшему около него слуге в зеленом переднике и тотчас же ринувшемуся исполнять требуемое. – А вино? Есте какое-нибудь сербское вино? – спросил он брюнета в очках.

– Есте, есте. Неготинско чермно³² вино.

– Неготинско? Ладно. Это самый лучший сербско вино?

– Есте, есте. Наиболий вино, добро вино.

– Кельнер! Бутылку неготинского! – приказал Николай Иванович другому слуге.

Появилось вино, появился бульон. Николай Иванович налил вина в три стакана, чокнулся со стаканом брюнета, отпил из своего стакана и поморщился.

– Отчего это такой чернильный вкус? Словно чернила, – спросил он брюнета и стал смотреть вино на свет. – И такое же темное, как чернила.

Брюнет не понял вопроса и отвечал, смакуя вино:

– Добро чермно вино! Добро... Наиболий вино.

– Ну, не скажу. По-нашему это скуловорот, а не вино.

– Како?

– Скуловорот. А как это по-вашему, по-сербски – не умею перевести.

Морщилась и Глафира Семеновна, скушавши две ложки бульона.

– Ну и бульон тоже стоит вина! – сказала она. – Сальный какой-то... Будто тоже из овечьего мяса сварен.

³⁰ Сегодня пятница (серб.).

³¹ Воскресенье (серб.).

³² Красное (серб.).

– Есте, есте. С овечье мясо, – кивнул брюнет.

– Да что вы! Кто же из баранины бульон варит! То-то я чувствую, что свечным салом пахнет, – сказала Глафира Семеновна и отодвинула от себя бульон. – Скажите, неужели это самый лучший ресторан? Мы просили извозчика привезти нас в самый лучший, – спросила она брюнета. – Добре этот ресторан?

– Наиболий немский ресторан, – кивнул брюнет.

– Немецкий, а такой плохой, – пожалла плечами Глафира Семеновна. – Так какая же это маленькая Вена! Разве в Вене так кормят!

– Ну, на безрыбье и рак рыба, – ободрял жену Николай Иванович, съевший всю свою порцию бульона. – И из овечьего мяса бульон для разнообразия поест не дурно. Приедем в Петербург, так будем рассказывать, что ели в Сербии бульон из овечьего мяса.

И он придвинул к себе порцию бифштекса. Придвинула и Глафира Семеновна, отрезала кусочек и понюхала.

– Деревянным маслом что-то припахивает, – сказала она и, положив в рот кусочек, стала жевать. – Положительно деревянное масло.

– И я слышу, – отозвался Николай Иванович, уничтоживший уже половину бифштекса. – Но это ничего. В Неаполе ведь мы заведомо ели же бифштексы на прованском масле.

– Так то на прованском, а это на деревянном.

Глафира Семеновна отодвинула от себя бифштекс.

– Брат-славянин! Оливковое это масло? Елей? Из оливок елей? – спросил Николай Иванович брюнета.

– Олива, олива... Есте... – отвечал тот.

– Ну вот видишь... Кушай... Ведь и деревянное масло из оливок, только похуже сорт. Кушай... Это не вредно.

– Сам жри, а я не могу... – отчеканила жена и стала кушать белый хлеб, запивая его глоточками неготинского вина. – Завезли в такое государство, где можно с голоду помереть, – прибавила она и приказала подать себе кофе со сливками.

Николай Иванович между тем ел поданный ему бараний фарш в виноградных листьях, жевал, морщился и силился проглотить.

– И охота тебе всякую дрянь есть! – сказала ему Глафира Семеновна.

– Нет, оно не совсем дрянь, а только уж очень перчено. Весь рот спалило. Очень уж что-то туда ядовитое намешано.

Он проглотил наконец кусок и вытаращил глаза, открыв рот.

– Добре? – спрашивал его брюнет улыбаясь.

– Добре-то добре, только уж очень пронзительно. Что здесь имо, брат-славянин? – спросил Николай Иванович, указывая на колобок, завернутый в виноградный лист, оставшийся на тарелке.

– Бибер³³, паприка... Добры бибер...

Второго колобка Николай Иванович уже не стал есть и тоже спросил себе чашку кофе.

– Ну, все-таки настоящего сербского блюда попробовал, хотя и опалил себе рот, – сказал он себе в утешение. – Зато уж самая что ни на есть славянская еда!

За питьем кофе супруга стала спрашивать брюнета в очках, есть ли в Белграде какие-нибудь увеселения, но оказалось, что никаких. Театр имеется, но труппа в нем играет только зимой наездом. Есть концертный зал, но концертов ни сегодня, ни завтра в нем нет. Есть какой-то кафешантан, но брюнет, назвав его, тотчас же предупредил, что дамы туда не ходят.

³³ Перец (серб.).

– Так что же мы здесь делать-то будем? – сказала Глафира Семеновна. – Знаешь что, Николай? Расплачивайся за прекрасную еду, поедем сейчас посмотреть две- три здешние церкви, и если можно сегодня вечером, то сегодня же и покатаем дальше.

– Да, пожалуй... – согласился муж. – Меня и самого этот Белград что-то не особенно интересует. Пустынный город. Теперь в Софию. К другим братушкам.

– Поедем, поедем... Здесь с голоду помрешь. Нельзя же только одним кофеем с булками питаться. Авось у болгар в Софии лучше и сытнее. А здесь только одно овечье мясо. Помешались на овечьем мясе.

Супруги начали расспрашивать брюнета, когда отходит поезд в Софию. Оказалось, что поезд, направляющийся в Софию и в Константинополь, проходит только один раз в день через Белград, именно в те вечерние часы, когда супруги вчера сюда приехали.

– Тогда сегодня вечером и уедем! – еще раз подтвердила Глафира Семеновна и до того обрадовалась, что она сегодня уедет из Белграда, что даже просияла. – А теперь возьми мне, Николай, пяток апельсинов, – указала она на апельсины на буфете. – Будем ездить по городу, так я съем парочку в экипаже. Не перед кем тут церемониться на улице. Дайте сюда апельсинов! – крикнула она слуге по-русски.

– Портогало! – перевел слуге брюнет.

– Портогало апельсины-то по-сербски. Надо запомнить. Ты запиши, Глаша, – сказал Николай Иванович и стал рассчитывать со слугой, подавшим тарелку с апельсинами, за все съеденное и выпитое.

Ну, прощай Белград!

Было под вечер. Осмотрев немногочисленные храмы Белграда и не найдя в них ни особенных древностей, ни великолепия, присущего даже некоторым русским богатым сельским церквям, супруги Ивановы возвратились к себе в гостиницу, но лишь только стали подниматься по лестнице домой, как на площадке столкнулись с евреем-менялой. На двух имеющихся на площадке стульях меняла расположился с каким-то линючим тряпьем и, вытащив из кучи что-то рыжевато-красное, потряс им перед Николаем Ивановичем и воскликнул:

– Самова древнего желетка от самого древнего сербский царь! От девятой столетий! Купите, ваше превосходительство!

– Ничего нам не надо! Ничего. Пропустите, пожалуйста! – оттолкнул его тот, проходя в коридор гостиницы, но еврей бежал за ним сзади, совал Глафире Семеновне в руки кинжал в бархатных ножнах и предлагал:

– Купите, мадам, супругу для кабинет! Дамаскова сталь ятаган от янычар. Янычарскова кинжал – и всего только сорок динаров бумажками.

– Зачем нам такая дрянь? Этой дряни у нас и в Петербурге на толкучке много, – сказала Глафира Семеновна, сторонясь от еврея, и вошла в отворенную мужем дверь своего номера. – Вот неотвязный-то! Сюда прилез, – прибавила она.

А еврей кричал из-за двери:

– Таково янычарсково кинжал в Петербурге на толкучке? Пхе... Приедут господа англичане – мне сто динаров дадут, но я хотел услужить для хорошего русского соотечественник. Мадам! Хотите самова лучшего турчанский головной убор?

Супруги ничего не отвечали, и еврей умолк.

– Как он мог узнать, где мы остановились? – удивился Николай Иванович. – Ведь мы не говорили ему своего адреса.

– А у извозчика. Помнишь, он вышел нас провожать на улицу и стал что-то по-сербски расспрашивать извозчика, – догадалась Глафира Семеновна. – Ну, надо укладываться, – сказала она, снимая с себя пальто и шляпку. – И для кого я наряжалась сегодня, спрашивается? Кто меня видел? Нет, я от братьев-славян уезжаю с радостью. Совсем я разочарована в них. Ни сами они не интересны, и ничего интересного у них нет.

– А вот болгары, может быть, будут интереснее сербов. Ведь в сущности настоящие-то нам братья те, а не эти. Эти больше как-то к немцам льнут. Почти все они знают немецкий язык, мебель и постели у них на венский немецкий манер, – указал Николай Иванович на обстановку в комнате. – И даже давешний самый лучший их ресторан немецкий. Ведь белобрысый-то давешний буфетчик, что за стойкой стоял, немец. Нет, я уверен, что болгары будут совсем на другой покррой.

– Ну, прощай Белград!

Глафира Семеновна сняла с себя шелковое платье и принялась его укладывать в дорожный сундук. Николай Иванович, помня наставление звонить три раза, чтобы вызвать кельнера и потребовать от него счет, позвонил три раза, но явилась косматая «собарица».

– А где же кельнер ваш? Я три раза звонил, – спросил он. – Ну, да все равно. Счет нам, умница, мы уезжаем часа через два.

«Собарица» таращила глаза и не понимала.

– Счет, счет... – повторил Николай Иванович, показывая на ладони, как пишут. – Счет за соба³⁴, за еду, за чай, за кофе... Поняла?

³⁴ Комната (серб.).

– А! Мاستило и перо! Добре, господине, – кивнула она, убегая за дверь, и через минуту явилась с чернильницей и пером.

– Да разве я у тебя это спрашивал? Ступай вон! – крикнул Николай Иванович на «собарицу» и отправился вниз к швейцару за счетом.

Через несколько времени он явился, потрясая листиком бумажки.

– Рачун – вот как счет называется по-сербски, – проговорил он, показывая жене. – Вот тут напечатано.

– Ну что, сильно ограбили? – спросила жена.

– Нет, ничего. За свечи и лампу два динара поставили, за вчерашнюю еду и чай восемь динаров, а за прислугу и постели ничего не поставили.

– Еще бы за эдакую прислугу да что-нибудь ставить!

– Но зато за отопление целый динар поставлен.

– Как за отопление? Мы даже и не топили.

– А давеча утром-то малец в опанках связку дров приташил – вот за это и поставлено. «Ложенье» по-ихнему. Тут в счете по-сербски и по-немецки. «Хицунг – ложенье». Ну да черт с ними! Только бы поскорее выбраться отсюда. Я через час заказал карету, поедем на железную дорогу пораньше и поужинаем там в буфете. Авось хоть в железнодорожном-то буфете нас получше покормят!

Поезд, отправляющийся в Софию и Константинополь, приходил в Белград в девять часов с половиной, а супруги в семь часов уезжали уж на железную дорогу. Вытаскивать в карету их багаж явился весь штат гостиничной прислуги, и, что удивительно, даже тот «кельнер», которого Николай Иванович не мог к себе дозвониться, суетился на этот раз больше всех. Он оттолкнул «собарицу» от Глафиры Семеновны, стал ей надевать калоши, вырвал из рук у Николая Ивановича трость и зонтик и потащил их с лестницы. Карета была что вчера и сегодня днем, на козлах сидел тот же длинноусый возница в бараньей шапке. Прислуга от усердия буквально впихивала супругов в карету. Наконец, все протянули руки пригоршнями и стали просить бакшиш. Виднелись с протянутыми руками лица, совершенно незнакомые супругам. Николай Иванович, наменявший уже в дорогу никелевых монеток по десяти пара, стал раздавать по три, четыре монетки в руку, а швейцару сунул динар, за что тот наградил его превосходительством, сказав:

– Захваљуем, екселенц!

– Гайда! – крикнул вознице кельнер, когда раздача кончилась, и лошади помчались.

Карета ехала по знакомым со вчерашнего дня улицам. Было всего только семь часов, а уж магазины и лавки были все заперты. В окнах обывательских домов была почти повсюду темнота, и только открытые кафаны³⁵ светились огнями.

Вот и станция железной дороги. Карета остановилась. Дверцу ее отворили, и перед супругами предстал носатый полицейский войник, сопровождавший их вчера на козлах от станции до гостиницы.

– Помози Бог! – приветствовал он их улыбаясь и протянул в карету руки за багажом.

³⁵ Кофейни (серб.).

Поехали

Полицейский войник перетащил весь ручной багаж супругов Ивановых из кареты, и супруги в ожидании поезда расположились в станционном буфете за одним из столиков. Помещение буфета было очень приличное, на европейский манер, отделанное по стенам резным дубом. На стойке были выставлены закуски, состоявшие из консервов в жестянках, сыр, ветчина; но в горячих блюдах, когда супруги захотели поужинать, оказался тот же недостаток, что и вчера в гостинице престолонаследника. Кельнер в горохового цвета пиджаке и в гарусном шарфе на шее представил карту с длиннейшим перечнем кушаний, но из горячего можно было получить только овечье мясо с рисом да сосиски, чем и пришлось воспользоваться. Овечье мясо, впрочем, было свежеизжаренное и в меру приправлено чесноком.

Железнодорожный буфет был почти пуст, пока супруги ужинали. Только за одним еще столиком сидели два бородача и усач и пили пиво. Усач был хозяин буфета. Он оказался сносно говорящим по-русски и, когда супруги Ивановы поужинали, подошел к ним и справился, куда они едут.

– Ах, вы говорите по-русски? – обрадовался Николай Иванович. – В Софию, в Софию мы едем. Посмотрели сербов, а вот теперь едем болгар посмотреть.

– Если вы едете до Софья, – сказал буфетчик, – то на станцион вы никакой кушанья не получите, а потому молимо взять с собой что-нибудь из моего буфет.

– А когда мы приедем в Софию?

– Заутра после поздне³⁶. В една час.

В пояснение своих слов буфетчик показал один указательный палец.

– А если так рано приедем, то зачем нам еда? Мы уж поужинали, – отвечала Глафира Семеновна. – Да у меня сыр и хлеб есть.

Но Николай Иванович запротестовал.

– Нет-нет, без еды нельзя отправляться, тем более что нас предупреждают, что на станциях ничего не найдешь, – сказал он. – Утром проснемся рано, и есть захочется. Ну, что вы имате? Говорите. Курица жареная есть? Кокош... по-сербски. Есть холодная жареная кокош?

– Есте, есте, господине.

– Не на деревянном масле жареная? Не на оливковом?

– Нет, нет, господине.

– Ну, так вот тащи сюда жареную курицу да заварите нам в нашем чайнике нашего чаю. Глаша! Давай чайник.

И опять извлечен завязанный в подушках металлический дорожный чайник.

Принесена жареная курица, приготовлен для дороги чай, и Николай Иванович начал рассчитываться с хозяином за ужин и за взятую в дорогу провизию сербскими кредитными билетами, как вдруг подошел к нему словно из земли выросший полицейский войник и стал его звать с собой, повторяя слова «касса» и «билеты».

– А! Отворили уж кассу! Ну, пойдём брать билеты. А ты, Глаша, тут посиди, – сказал Николай Иванович и направился за войником.

– Николай! Николай! Только ты, бога ради, не ходи с ним никуда дальше кассы, а то он тебя куда-нибудь завести может, – испуганно сказала Глафира Семеновна. – Я все еще за вчерашнюю таможенную историю боюсь.

– Ну вот, выдумай еще что-нибудь!

³⁶ Полдень (серб.).

Николай Иванович ушел из буфета и довольно долго не возвращался. Глафира Семеновна начала уже не на шутку тревожиться о муже, как вдруг он появился в буфете и, потрясая рукой с билетами и квитанцией от сданного багажа, восклицал:

– Нет, каковы подлецы!

– О господи! В полицию тебя таскали? Ну, так я и знала! – в свою очередь воскликнула Глафира Семеновна. – Да прогони ты от себя этого мерзавца! Чего он по пятам за тобой шляется!

– Войник тут ни при чем. Нет, каковы подлецы! – продолжал Николай Иванович, подойдя уже к столу. – Ни за билеты, ни за багаж не берут сербскими деньгами, которые я давеча выменял у жида.

– Это сербскими-то бумажками? – спросила Глафира Семеновна.

– Да, да... Золотом им непременно подай. И правила показывают. «Билеты проездные мы, говорит, только за золото продаем». Принужден был им заплатить в кассе французским золотом. Еще хорошо, что нашлось. А не найдись золота – ну и сиди на бобах или поезжай обратно в гостиницу.

– А много у тебя этих сербских бумажек еще осталось?

– Рублей на пятьдесят будет. Где их теперь разменяешь!

– Ну, в Софии разменяешь. Или не разменяет ли тебе буфетчик?

Бумажки были предложены буфетчику, но тот отказался разменять, говоря, что у него такого количества золота нет.

– Ты говоришь, в Софии разменяют, – сказал Николай Иванович жене. – Уж ежели их здесь не везде берут, так как же их в Софии возьмут! София совсем другое государство.

– Ну вот... Те же братья-славяне. Меняла какой-нибудь наверное разменяет.

Войник между тем суетился около ручного багажа и забирал его.

– Чего вы тут вертитеесь! – крикнула на него раздраженно Глафира Семеновна. – Подите прочь!

Войник заговорил что-то по-сербски и упоминал слово «ваген». В это время раздались свисток паровоза, глухой стук поезда и зазвонил станционный звонок. Пришел из Вены поезд, направляющийся в Софию и Константинополь.

– В вагон он нас сажать хочет, – сказал Николай Иванович про войника. – Ну, сажай, сажай, что с тобой делать. За вытаскивание из кареты багажа получил, а теперь еще столько же получить хочешь? Получай... Только, братушка, чтоб места нам были хорошие. Слышишь? Добры места. Пойдем, Глафира Семеновна.

И супруги направились вслед за войником садиться в вагон.

Когда они вышли на платформу, движение на ней было еще меньше вчерашнего. Приезжих в Белград было только трое, и их можно было видеть стоящими перед полицейским приставом, рассматривающим около входа в таможенную их паспорта. Отправляющихся же из Белграда, кроме супругов Ивановых, никого не было. Супруги сели в вагон прямого сообщения до Константинополя, и, на их счастье, нашлось для них никем не занятое отдельное купе, где они и разместились.

– Добре вечер, захвалюем... – сказал войник, поблагодарив за подачку нескольких никелевых монет, и удалился.

Глафира Семеновна стала хозяйничать в вагоне.

– Прежде всего, надо разостлаться и улечься, – сказала она, развязывая ремни и доставая оттуда подушку и плед. – Увидят лежащую даму, так поцеремонятся войти. А ты не кури здесь, – обратилась она к мужу. – Пусть это будет купе для некурящих.

– Да не беспокойся. Никто не войдет. Отсюда пассажиры-то, должно быть, не каждый день наклеиваются. Посмотри, вся платформа пуста.

И действительно, на платформе не было ни души: ни публики, ни железнодорожных служащих.

Прошло с четверть часа, а поезд и не думал трогаться. От нечего делать Николай Иванович прошелся по вагону, чтобы посмотреть, кто в нем сидит. Двери купе были отворены. В одном из купе лежал на скамейке враспяжку и храпел всласть какой-то турок в европейском платье, а о том, что это был турок, можно было догадаться по стоявшей на столике у окна феске. Против него на другой скамейке сидел сербский или болгарский православный священник в черной рясе и черной камилавке и чистил апельсин, собираясь его съесть. В другом купе было пусто, но на сетчатых полках лежали два франтовских чемодана с никелевыми замками, висело рыжее клетчатое пальто с пелериной и на столе стоял цилиндр. Еще одно купе было заперто, но из-за запертых дверей слышалась польская речь. Раздавались два голоса. Николай Иванович вернулся к себе в купе и сообщил о своих наблюдениях жене.

Прошло еще полчаса, а поезд и не думал отправляться.

– Когда же, однако, мы поедем? – забеспокоилась Глафира Семеновна, поднялась и вышла на площадку, чтобы спросить у кого-нибудь, когда отойдет поезд.

Две бараньи шапки везли ее сундук на тележке.

– Боже мой! Еще только наш багаж в вагон везут! – сказала она и крикнула шапкам: – Скоро поедем?

– Еданаест и половина... – послышался ответ.

– Боже мой! Еще полчаса ждать, – проговорила она и, войдя в вагон, сообщила об этом мужу.

– Ну так что ж, посидим подождем. Вот я чайку из нашего чайника напьюсь. Признаюсь, я даже люблю так, не торопясь. Это напоминает наши маленькие русские дороги. Там иногда на станции просто какого-нибудь Ивана Ивановича ждут, который непременно обещался сегодня ехать с поездом, – отвечал Николай Иванович.

– Ну нет, уж этого я не люблю. Ехать так ехать.

– И поедем в свое время. А то лучше, что ли, если такая спешка железнодорожной станции в Берлине? Там еле успеваешь сесть в вагон, да и то рискуешь попасть не в тот, в какой надо, и очутиться вместо Кельна в Гамбурге! Да ведь ты помнишь, какая с нами была история, когда мы на Парижскую выставку ехали! Думали, едем в Париж, а попали черт знает куда.

Но вот раздался второй звонок, и из буфета стали показываться на платформы железнодорожные служащие. Затем началось постукивание молотком колес у вагонов. В вагон влез худой и длинный англичанин с рыжей клинистой бородой, в желтых ботинках, в сером клетчатом пиджаке и триковой шапочке с двумя триковыми козырьками. На нем висели на ремнях баул с сигарами, бинокль в чехле и моментальный фотографический аппарат. Англичанин направился в купе, где висело клетчатое пальто.

Но вот и третий звонок. Раздались звуки рожка, свисток локомотива, и поезд тронулся, уходя со станции.

Супруги Ивановы стояли у открытого окна и смотрели на платформу. Вдруг Глафира Семеновна увидела вчерашнего таможенного чиновника, стоявшего на платформе и смотревшего прямо в окна вагона.

– Вчерашний мой мучитель, – быстро сказала она мужу и показала чиновнику язык, прибавив: – Вот тебе за вчерашнее!

Ночной переполох

Стучит, гремит поезд, увозя супругов Ивановых из Белграда по направлению к Константинополю. Глафира Семеновна сняла корсет и сапоги и, надев туфли, стала укладываться на скамейку спать уже «набело», как она выражалась, то есть до утра. Николай Иванович вынул книгу «Переводчик с русского языка на турецкий» и хотел изучать турецкие слова, но вагон был плохо освещен и читать было невозможно. В купе вошел сербский кондуктор с фонарем, без форменного платья, но в форменной фуражке, приветствовал словами: «Добри вечер, помози Бог» – и спросил билеты.

Билеты поданы, простригнуты, но кондуктор не уходит, смотрит на лежащую на скамье Глафиру Семеновну и, улыбувшись, говорит что-то по-сербски...

– Представь себе, я хоть и не понимаю слов его, но знаю, о чем он говорит, – сказал Николай Иванович жене. – Да, да... – обратился он к кондуктору, тоже улыбаясь. – Молим вас никого к нам в купе не пускать – и вот вам за это динар. Динар здесь и динар потом, когда приедем в Софию, получите.

Кондуктор тоже понял, и когда Николай Иванович дал ему динар, поклонился, поблагодарил, сказав уже не сербское «захвалюен», а «мерси», и затворил дверь.

– Удивительно, как я насобачился по-сербски – все понимаю, – похвастался Николай Иванович перед женой.

– Ну, еще бы этого-то не понять! У него глаза были просящие, – отвечала супруга.

Глафира Семеновна скоро уснула и начала выводить носом легкие трели, но Николаю Ивановичу долго не спалось. Он несколько раз выходил из купе в коридор вагона и смотрел в окно. Светила с неба луна. Расстилалась Топчидерова равнина. Изредка при лунном свете белели купой сербские поселки, темными пятнами казались вдали стоявшие кусты леса. С особенным грохотом перелетал поезд по мостам через разыгравшиеся вешними водами ручьи, серебрящиеся при лунном свете.

У соседей купе были отворены. Англичанин, переодевшись в какой-то белый колпак и такую же куртку, читал при свечке, вставленной в дорожный подсвечник, прищипленный к обивке дивана, какие-то бумаги. Сосед турка поп тоже спал, не тараторили больше и польки в своем купе.

Три раза ложился Николай Иванович на своем диване, силился заснуть, но не мог, вставал и закуривал папиросу. Поезд останавливался уже на нескольких станциях. Кондукторы выкрикивали: Паланка, Батицина, Ягодина, Чуприя, Сталац, Алексинац. На всех станциях пусто. Нет ни выходящих из вагонов пассажиров, ни входящих, да и станционной прислуги не видать. Стоит у колокольчика какая-то одинокая баранья шапка с фонарем – вот и все. Николай Иванович посмотрел на часы. Был третий час в начале. От скуки, а не с голоду Николай Иванович принялся есть жареную курицу, захваченную из буфета в Белграде, хотел съесть только ножку да крылышко, но, к немалому своему удивлению, съел ее всю и запил холодным чаем. Полный желудок заставил его наконец задремать, и он заснул сидя, выронив из руки потухшую папиросу. Спал он с добрый час и проснулся от холода. В вагоне действительно было холодно. Он вскочил с дивана, бросился в коридор к окну и увидел, что поезд идет уже в горах, покрытых снегом. Запасный путь, который он мог видеть, был в снегу. Николай Иванович вздрогнул.

«Вот так штука! Уж туда ли мы едем? – мелькнуло у него в голове. – В Белграде была весна, поехали к югу, и вдруг зима! Не перепутал ли нам этот носатый войник в Белграде поезд? Взял да и посадил не туда. Какой же это юг? Ведь это север, если такой снег».

И он начал будить жену.

– Глаша! Глаша! Кажется, мы не туда едем! – теребил он ее за рукав. – Проснись, голубушка! Кажется, мы не туда едем. Не в тот вагон попали.

– Да что ты! – воскликнула Глафира Семеновна, горохом скатываясь с дивана.

– Не туда. Взгляни в окошко – зима. Мы на север приехали.

Глафира Семеновна бросилась к окну.

– Действительно, снег. Боже мой! Да как же это так случилось, что мы перепутались? – дивилась она. – А все ты... – накинулась она на мужа.

– Здравствуйте! Да я-то чем виноват?

– Должен был основательно расспросить. А ты вверился этому носатому войнику!

Начался довольно громкий спор в коридоре, так что англичанин, все еще читавший, запер дверь купе, а из другого купе выглянул священник и стал прислушиваться к разговору. У Николая Ивановича мелькнула вдруг мысль обратиться за разъяснением к священнику, и он, поклонившись ему, спросил, ломая язык:

– Молим вас, отче, реките нам, куда мы едем по сей железнице? Нам нужно на юг, в Софию, а вокруг снег...

– В Софию и едете, – чисто и внятно проговорил по-русски священник.

– Батюшка! Да вы хорошо говорите по-русски! – воскликнули в один голос супруги.

– Еще бы... Я учился в Петербурге в духовной академии.

– Как приятно! Боже мой, как приятно! Так мы не ошиблись? Мы в Болгарию едем? В Софию? – спрашивал у священника Николай Иванович.

– В Софию, в Софию.

– Но отчего же севернее в Белграде была весна, а здесь зима.

– Мы в горах, въехали на горы. Находимся в гористой местности, а здесь всегда весна задерживается. В Болгарии, и именно в Софии, вас, быть может, встретит настоящая зима.

– Слышишь, Глаша? Вот хорошо, что ты захватила с собой теплое пальто на куницах, – обратился Николай Иванович к жене.

– Я всегда хорошо делаю. А вот нехорошо, что ты зря меня будишь. Я так отлично спала, а ты вдруг: «Глаша, Глаша! Не туда попали! Беда! Не в том поезде едем!»! – передразнила мужа Глафира Семеновна и отправилась укладываться спать.

– Простите, батюшка, что и вас мы беспокоили своим спором, – сказал Николай Иванович священнику. – Мы и вас разбудили.

– Ничего, ничего, заснуть успею. Времени много.

– Ну, так покойной ночи. А меня, кстати, благословите.

И Николай Иванович протянул перед священником пригоршни.

– Сыне, сыне... Здесь, кажется, не место... – смешался несколько священник, однако все-таки благословил Николая Ивановича, и они расстались.

Николай Иванович пришел в свое купе. Глафира Семеновна уже лежала.

– Дурак! Только понапрасну будишь, – проговорила она.

Он промолчал и лег на скамейку. Вскоре он услышал, как Глафира Семеновна начала посвистывать носом, а потом и сам заснул.

Проснулся он от стука в дверь. Глафира Семеновна полулежала, приподнявшись сфинксом, и спрашивала:

– Кто там?

Огонь в вагоне уже погас. На дворе светало.

– Кто там?! – закричал в свою очередь Николай Иванович, открывая дверь купе. – Чего нужно?

– Станция Пирот! Сербская граница! Паспорта позвольте! – произнес довольно правильно по-русски полицейский чиновник в австрийского образца кепи и со шнурами на плечах пальто.

– Вы сербский?

– Сербский.

- В Белграде уж у нас смотрели паспорта.
- А здесь, на границе, еще надо посмотреть. Ведь у вас в России на границе смотрят же. Николай Иванович полез в карман за паспортом.

Хороша страна Болгария

В Пироте, однако, поезд задержали недолго. Сербский полицейский только записал паспорта, наложил на них красный штемпель, и поезд тронулся.

– Ну, слава богу, поехали. Можно еще поспать, – сказала Глафира Семеновна, легла и только заснула, как явился кондуктор.

Оказалось, что он явился, чтобы откланяться супругам и получить обещанный динар.

– Добре почилы ове ночае? – спросил он супругов и сообщил, что он едет только до следующей станции. – В Цариброд болгарски кондуктор буде, – прибавил он и протянул руку.

Николай Иванович дал ему второй динар и спросил:

– На Цариброд митница?

– Болгарска митница, – кивнул кондуктор и удалился.

– Глаша! Не спи! Сейчас новое испытание будет. Въезжаем в болгарскую землю. Таможня, – сказал Николай Иванович лежавшей жене.

– Слышу, слышу. Какой тут сон! Давно уж проснулась. Наказание эти таможни!

А поезд останавливал уже ход и подкатил к деревянному домику с надписью: «Цариброд». На платформе стоял болгарский офицер и два солдата в форме, напоминающей совсем русскую форму. Солдаты были даже в фуражках без козырьков, в серых шинелях русского покроя и с револьверами у пояса. Кроме них, на платформе были начальник станции в статском платье и, как у нас в России, в красной фуражке, бакенбардист в пальто и шляпе котелком и несколько бараньих шапок в бараньих куртках шерстью вверх.

Все это тотчас же полезло в вагоны. Чиновник в шляпе котелком оказался таможенным чиновником, бараньи шапки – его подчиненными. Войдя в купе супругов, он тотчас же бросил взгляд на две громадные подушки, улыбнулся и спросил по-русски:

– Русские?

– Да, да... Самые что ни на есть русские... Едем из Петербурга, – отвечал Николай Иванович.

– Не везете ли сигар, табаку, чаю? – задал вопрос человек в шляпе котелком. – Это все ваши вещи?

И прежде чем супруги успели ответить что-нибудь, он уже начал лепить на саквояжи и картонки таможенные ярлычки, гласящие «прегледано». Глафира Семеновна начала было открывать свои баульчики, чтобы показать, что в них, но он сказал:

– Не трудитесь, не трудитесь. Ничего не надо. Есть у вас что-нибудь в багажном вагоне?

– Ах, как же. Сундук с бельем и платьем.

– Тогда пожалуйста в таможню. Надо и на него наклеить пропуск.

Чиновник поклонился и удалился.

– Вот учтивый-то таможенник! – воскликнула Глафира Семеновна после его ухода. – Даже и не верится что-то, что это таможенный. Боже мой! Да если бы они все-то такие были! И как прекрасно говорит по-русски! Ну, я пойду в таможню.

– Пусти, лучше я схожу, – предложил Николай Иванович.

– Нет, нет. Это такой элегантный человек, что с ним даже приятно. А уж если хочешь, то пойдем вместе.

И супруги стали выходить из вагона.

– Позвольте ваши паспорта, – на чистейшем русском языке обратился к ним на платформе офицер.

– Боже мой! Как здесь в Болгарии хорошо говорят по-русски! Я не ожидала этого, – проговорила Глафира Семеновна, улыбаясь офицеру.

– Не везде, мадам. Это только здесь, на границе, – отвечал офицер, принимая из рук Николая Ивановича паспорт, и прибавил: – Обрато получите в вагоне.

При досмотре сундука Глафира Семеновна еще больше очаровалась таможенным чиновником. Оказалось, что он не допустил ее даже открыть свой сундук и сейчас же налепил таможенный ярлык. Уходя из таможни, она расхваливала мужу даже бакенбарды чиновника, его глаза и называла даже аристократом.

– Ну какой же, милая, он аристократ... – возразил было Николай Иванович.

– Аристократ, аристократ! – стояла на своем Глафира Семеновна. – Только аристократы и могут быть так утонченно вежливы. А какая неизмеримая разница с носатым сербским таможенным, который у меня даже ветчину нюхал! В сыре что-то искал! В апельсинах под кожей контрабанду найти думал.

Супруги опять вошли в вагон.

– А как приятно въезжать-то в такое государство, где такие прекрасные чиновники! – не унималась Глафира Семеновна.

– Ну да уж довольно, довольно. Совсем захвалила, – останавливал ее муж.

Вошел офицер и возвратил паспорта.

– Надо что-нибудь заплатить за пропуску? – спросил его Николай Иванович.

– В Болгарии ничего не берется, – был ответ.

– Ну, вот как отлично! А на сербской границе с нас взяли что-то четыре с половиной динара.

– Да разве можно сравнивать Сербию с Болгарией! Ведь это день и ночь... – вставила свое слово Глафира Семеновна, но офицер уже исчез.

– Погоди, матушка, хвалить-то, погоди... Ведь еще только нос показала в Болгарию, а что дальше будет – неизвестно, – говорил муж.

– Нет, это уж сейчас видно, что болгары симпатичный народ. Ты посмотри, какие добродушные лица.

– А по-моему, такие же усатые, такие же носатые!

– Оставь, пожалуйста. Тебе только бы прекословить мне.

В коридоре вагона показался мальчик с подносом, на котором стояли чашки, и предлагал кофе. Заглянул он и в купе супругов.

– Давай, давай сюда! – поманила мальчика Глафира Семеновна. – От таких учтивых людей и кофей-то приятнее выпить, – прибавила она, взяв чашку кофе.

Взял себе чашку и Николай Иванович и воспользовался случаем, чтобы поручить мальчику заварить чай в металлическом чайнике.

– Кипятку сюда, кипятку. Горячей воды, – толковал он мальчику. – Понял? Ну, айда! На чай получишь.

Мальчишка помчался к себе в буфет под вывеску «Гостильница» и сейчас же вернулся обратно с чайником, сказав:

– Ух, горешта вода!³⁷

– Ну, вот спасибо тебе, спасибо, милый, – благодарила его Глафира Семеновна. – И какой симпатичный мальчишка! Николай Иваныч, его надо хорошенько наградить.

– Ну, вот тебе за это полдинара на чай.

Николай Иванович дал ему несколько никелевых монет, но мальчик, посмотрев на них, сказал: «Србски пара» – и возвратил обратно.

– Да разве сербские деньги вы не берете? – удивился Николай Иванович. – Ведь от тех же братьев-славян.

– Леви треба, блгрски леви...

³⁷ Кипяток (болг.).

– Ну а болгарских денег у меня, брат, нет. Вот разве маленький французский золотой?
И Николай Иванович показал десятифранковик.

– Добре, добре... – закивал мальчишка, схватил золотой, чашки из-под кофе и исчез, побежав за сдачей.

– Не надул бы как, постреленок, – сказал Николай Иванович.

– Ну вот. Эдакие деликатные люди! – ответила Глафира Семеновна.

А между тем раздался звонок.

– Надует... – бормочет Николай Иванович. – Разве пойти самому за ним?

И еще звонок.

– Бежит, бежит мальчишка! – кричит Глафира Семеновна, смотря в окно.

Мальчишка вскакивает в вагон, бросает серебряные деньги на скамейку и выпрыгивает вон из вагона. Поезд трогается.

– Ну что? Не говорила ли я тебе, что не надует? – проговорила Глафира Семеновна мужу.

– погоди, надо прежде сосчитать деньги, – отвечал Николай Иванович и, сосчитав, сказал: – Сдачу принес, это точно, но за две чашки кофею с двумя булками четыре франка взял, а вряд ли это на самом деле четыре франка стоит.

– Ну что тут! Брось! Я очень рада, что перепала болгарскому мальчишке малая толика, – отвечала Глафира Семеновна.

Поезд катил на всех парах.

Прибытие в Софию

Поезд мчался в покрытых снегом горах. Выходило солнце и освещало всеми цветами радуги снежные вершины. Панорама видов была великолепная. Поднялись и проходили по Драгоманову перевалу. Супруги сидели у окна и любовались роскошными горными видами. Под влиянием хорошей солнечной погоды с легким морозцем, роскошных видов, меняющихся перед глазами, а главное, любезности болгарского таможенного чиновника Глафира Семеновна сидела в восторженном состоянии и расхваливала болгар. Восторг ее не расхолодил и болгарский кондуктор, сменивший сербского кондуктора, пришедший простригать билеты и также заявивший, что «если супруги желают остаться одни в купе, то...».

– Получите, получите... – воскликнула Глафира Семеновна, не дав ему кончить фразу. – Николай Иванович, дай ему динар, – обратилась она к мужу.

– Лёв уж, а не динар. Лёвы здесь, – отвечал муж. – Но я не понимаю, зачем здесь-то давать? Теперь день, спать мы не станем и часа через четыре приедем в Софию.

– Дай, дай... Раньше кондукторам давали, так надо и этому дать. Дай ему даже два лёва.

Два лева даны. Кондуктор поблагодарил и стал удаляться. Глафира Семеновна посмотрела на него вослед в свое золотое пенсне и снова обратилась к мужу:

– Ты не находишь, что он очень похож на итальянского певца Котони?

– Кто? Кондуктор-то? Вот уж нисколько!

Подъехали к станции Сливница. На платформе стояли черномазые мужики и бабы в пестрых платках. Бабы продавали молоко в пузатых глиняных кувшинах. Глафира Семеновна и на них начала умиляться.

– Ты посмотри, какие у них добродушные лица, – указывала она мужу.

– Не нахожу. По-моему, такие же, как у сербов, которые тебе не нравились.

– Да что ты, что ты! У сербов лица носатые, насупившиеся брови дугой, и смотрят они исподлобья, а тут веселый, открытый взгляд. Нет, ты это говоришь для того, чтобы только противоречить мне.

Глафира Семеновна купила даже у одной из баб кувшинчик с молоком, заткнутый сеном, но пить молоко не смогла. Оно было или козье, или от буйволицы, тянулось и, кроме того, припахивало навозом.

– Вот тебя добродушная баба и поднадула на молоке, – подсмеивался Николай Иванович.

– Нисколько не поднадула. А я сама была виновата, что не спросила у нее, какое это молоко. Ну да все равно, кувшин останется в воспоминание.

За Сливницей начали спускаться из горных ущелий в равнину Софии. Вот и Костинброд – последняя станция перед Софией, о чем супругам сообщил болгарский священник, вышедший из своего купе и остановившийся у окна в коридоре. Глафира Семеновна стала быстро собирать свои вещи и увязывать их в ремни. Николай Иванович подошел к священнику, поздоровался и начал рассматривать его. Кроме черной камилавки, священник этот ни по манерам, ни по одежде ничем не отличался от наших священников. Та же ряса с широкими рукавами, та же манера держать руки на желудке при разговоре.

– Какие дивные места-то мы проезжали давеча, – сказал священник. – Какие неприступные горы! Когда-то эти горы кишели разбойниками.

– Да на кого тут было нападать-то разбойникам? – усомнился Николай Иванович. – И при железной-то дороге очень мало движения.

– На проезжих они не особенно много и нападали, но они целые села, целые города держали в страхе и брали с них дань.

Когда в коридор к ним вышла Глафира Семеновна, священник указал в даль, видневшуюся из окна, и сказал:

– А вон уж купола и минареты Софии виднеются. До освобождения Болгарии это все были турецкие мечети.

– Ну а теперь превращены в болгарские храмы?

– Нет, болгарский народ не особенно религиозен и не заботится об увеличении церквей. В Софии одна мечеть превращена в тюрьму, другая в интендантский склад, третья еще во что-то. Одна мечеть оставлена туркам для богослужения.

Глафира Семеновна начала его расспрашивать, что в Софии есть достопримечательного для осмотра, на что он отвечал:

– Да ничего. София город, только еще начинающий возрождаться. А по-моему, даже и не возрождаться, а зарождаться, хотя и помнит он императора Траяна. В старину он назывался по-болгарски Средец, но обширностью и богатством никогда не отличался. Брали его несколько раз турки, брали несколько раз венгры – вот и все. От римского владычества, впрочем, там остались остатки стен. Вот по Витошкой улице поедете, так остатки этих римских стен там, но интересного они из себя ничего не представляют. Улиц хороших в Софии только две: Витошка улица, про которую я сказал, да Дондуковский бульвар.

– Стало быть, по-вашему, в Софии и смотреть нечего? – спросил Николай Иванович.

– Как вам сказать?.. – развел руками священник. – Смотреть все можно.

– Нет, я спрашиваю только про интересное.

– И интерес зависит от точки зрения. Вот с нами в поезде едет один англичанин, так он едет в Софию специально для того, чтобы посмотреть то место на улице, где был убит Стамбулов, – вот и все.

София совсем уже была близко. Минареты мечетей ясно выделялись вдаль. Поезд убавлял ход.

– А где бы нам, батюшка, лучше остановиться в Софии? – спросила Глафира Семеновна священника.

– В Софии теперь все гостиницы хороши, все заново отделаны. Остановитесь в гостинице «Болгария», в гостинице «Одесса», «Империял», «Метрополь», у братьев Ивановых в номерах. Везде хорошо и недорого, если вы будете сравнивать с русскими или заграничными ценами. Ресторанная еда тоже недорого. Понаехали венские немцы и всяких ресторанов настроили и на венский манер кормят.

– Если уж по-венски, то это совсем хорошо. Мне венская еда больше парижской нравится, – сказала Глафира Семеновна. – В Париже можно по ошибке что-нибудь такое съесть, от чего потом три дня не отплюешься, а в Вене этого случиться не может.

– Гм... – улыбнулся священник. – А разве приходилось скушать что-нибудь неподобающее?

– Просто она боится, что ей вместо цыпленка под белым соусом лягушку подсунут, а вместо грибов – жареных улиток, – отвечал Николай Иванович.

Минут через пять поезд подъехал к платформе станции София. В вагон еще на ходу вскочили два молодца в бараньих шапках, бежали по коридору и выкрикивали:

– Дрехи! Чемоданы! Багажи!

За ними вбежал тоже молодец в фуражечке с надписью на околышке: «Hôtel Metropol» и тоже выкрикивал:

– От гостильница «Метрополь»! Добри одаи! Добри комнаты! Билиге циммерн! Шамбр мебле!

– Готель «Метрополь»! Сюда, сюда! – поманили его супруги.

Баранья шапка и фуражка с надписью ухватились за их ручной багаж и потащили его из вагона.

Движение

Через пять минут супруги Ивановы ехали уже в приличном фаэтоне, направляясь от железнодорожной станции по Витошской улице в гостиницу. На козлах фаэтона сидел кучер в бараньей шапке, стоял багажный сундук, а на сундуке торчал молодец в фуражке с надписью «Метрополь». Фаэтон был загроможден подушками, баулами, картонками и саквояжами супругов. Лошади неслись быстро. Направо и налево мелькали старые убогие домишки вперемешку с новыми домиками венской архитектуры. Движения на улице было куда больше, чем на улицах Белграда. Спешили куда-то военные в форме почти тождественной с нашей офицерской формой, попадались бараньи шапки, шляпы котелком, цилиндры, проехали три-четыре фаэтона с дамами попарно и в одиночку.

– Посмотри, здесь совсем другая жизнь, чем в Белграде, – обратилась Глафира Семеновна к мужу.

– Маленький Париж? – улыбнулся Николай Иванович.

– А что ты думаешь? Если уж тот белградец назвал свой Белград маленькой Веной, то, по-моему, София куда больше похожа на маленький Париж. Вон и раскрашенные афиши, как в Париже, наклеены на заборе.

И в самом деле, чем дальше, тем движения было больше, а когда подъехали к гостинице, находившейся в торговом квартале, против мечети и турецкой бани, то на улице уж стояли и бродили группы из трех-четырех человек. Здесь разносчики продавали мелкую рыбу в плетеных ивовых корзинках, на дверях лавок были вывешены бараньи туши, в окнах пивной виднелись усатые и бородатые лица, и в нее и из нее то и дело выходили и входили посетители, хлопая дверным блоком.

Фаэтон остановился у подъезда, находящегося на углу двух улиц. Молодец, в фуражке с надписью, соскочил с козел. Выбежал швейцар в фуражке с позументом, и вдвоем они начали разгружать фаэтон.

– Говорите по-русски? – обратился Николай Иванович к швейцару.

– Мало, господине. Вам номер? Има, господине.

– Да, пожалуйста, самый лучший номер.

– Има, има.

Супругов повели по лестнице, уставленной запыленными искусственными растениями в горшках и устланной недорогим, но свежим ковром, и в коридоре первого этажа распахнули дверь. Число сопровождавшей их прислуги увеличилось. Появилась черноглазая горничная, повязанная по-русски расписным ситцевым платком русского же производства, стоял коридорный – рослый бородатый человек в рыжем клетчатом пиджаке и зеленом коленкором переднике. Комната, которую показывали, была большая, в четыре окна, с балконом, с венской мебелью, с кроватями на венский манер и застланная посредине ковром.

– Пять левы... – объявил коридорный.

– Фу, дешевизна! – вырвалось у Глафиры Семеновны.

– Берем, берем, – сказал Николай Иванович и вошел в комнату, но прежде него туда уж ворвалась горничная и быстро начала сдергивать с постелей покрывала и надевать на подушки чистые наволочки, лежавшие под покрывалом.

Разные усатые и бородатые смуглые физиономии в потертых пиджаках втаскивали уже в номер вещи супругов. Затем один из молодцов притащил ведро воды и начал наливать в умывальный кувшин, другой втащил вязку дров и стал топить печь, представляющую собой терракотовое сооружение с колоннами, которые состояли из труб.

Супруги снимали с себя пальто и калоши и приготавливались переодеться и умыться.

– Прежде всего, поесть, – обратился Николай Иванович к коридорному.

– Седнете, моля ви...³⁸ – пригласил тот, указывая на стул, и, вынув из кармана изрядно замавленную тетрадку, положил ее на стол и сказал: – Вот карта.

– Да что тут читать! Есть винершницель?

– О, я, мейн гер! – И коридорный заговорил по-немецки.

– Немец?

– Немски, немски, – кивнул коридорный и стал рассказывать по-немецки, что он бывал даже в Петербурге и знает князя такого-то, графа такого-то, генерала такого-то.

– Так вот, – перебил его Николай Иванович. – Два бульона, две порции винершницель и чаю, чаю. Только, бога ради, по-русски чаю, настоящим манером.

– Име, господине. Що отте?³⁹

– Вино болгарское есть? Вен де пей?

– Има, господине. Монастырское вино. Червено или бяло?

– Червено, червено. Бутылку вина. Только хорошего. Добро вино.

– Разбирам⁴⁰, – поклонился коридорный и хотел уходить, но тотчас же вернулся и спросил у Николая Ивановича его визитную карточку, чтобы записать в книгу постояльцев и выставить на доску в гостинице.

Николай Иванович подал. Коридорный спросил:

– Экселенц?

– Ну, пусть буду экселенц. Экселенц, экселенц, – кивнул ему Николай Иванович.

– Зачем ты врешь, Николай! – упрекнула мужа Глафира Семеновна, когда коридорный удалился.

– Эва важность! Ну, пусть буду в Софии превосходительством. Должно быть, у меня уж фигура такая превосходительная, что везде спрашивают, не превосходительство ли я.

Супруги начали умываться. Горничная, все еще возившаяся с постелями, начала подавать им воды из кувшина.

– Собарица? – улыбнулась ей Глафира Семеновна, помня сербское слово.

– Слугиня, мадам, – отвечала та.

– Слугиня? Так, так... Стало быть, по-болгарски горничная – слугиня! Но разве есть какое-нибудь сравнение между Сербией и Болгарией! И народ здесь образованнее. Вот уж она меня сейчас «мадам» называет! – продолжала восторгаться Глафира Семеновна.

– Ты погоди хвалить-то. Вот как нам еще есть подадут, – остановил муж. – Поп в вагоне хвалил нам здешние рестораны, но ведь для попа все хорошо.

Умывшись и переодевшись, супруги подошли к окну и стали смотреть на улицу. Перед окном виднелись большая мечеть с высоким минаретом и турецкая баня с куполом и с окнами, расположенными по-турецки, не симметрично, а как попало. У стены мечети сидели, поджав под себя ноги, нищие турки с чашечками для сбора денег, в окнах бани виднелись красные голые тела, которые вытирались полотенцами. По улице носили белые хлеба на лотках, ковры, перекинутые через плечо, стояла арба с глиняными горшками и кувшинами, запряженная парой волов, и болгарин в овечьей куртке, в серой бараньей шапке и синих суконных штанах, очень смахивающий на нашего хохла из Полтавской губернии, такой же усатый, с плохо выбритым подбородком, продавал болгарским бабам в ситцевых платках, тоже очень смахивающих на наших баб, свой товар из арбы. Бабы пробовали горшки, стучая один о другой. Где-то кончились занятия в школе, и бежали ребятишки со связками книг и с грифельными досками.

– Жизнь здесь... Все-таки жизнь есть! Ты посмотри, здесь все-таки движение! – воскликнула Глафира Семеновна, указывая мужу на улицу. – А в Белграде-то!..

³⁸ Садитесь, пожалуйста (болг.).

³⁹ Что еще? (болг.)

⁴⁰ Понимаю (болг.).

– Но ты не должна забывать, что мы здесь в торговой части, – заметил супруг.

– В Белграде мы и на базаре были, когда деньги у жида меняли, а там и десятой доли этого движения не было.

Послышался стук в дверь.

– Антре! – крикнула Глафира Семеновна по-французски.

Дверь отворилась, и показался коридорный. На большом подносе он нес завтрак супругам.

Антирусские интриги Стамбулова

Стол накрыт чистой скатертью, и супруги завтракают. Привередливая Глафира Семеновна, взяв чашку бульону, не могла похулить его вкусовые достоинства и нашла только, что он остыл. Винершницель, приготовленный из телятины, был вкусен, но также был подан чуть теплым.

Коридорный, прислуживавший около стола, рассказывал по-немецки, примешивая русские и болгарские слова, о генералах, графах и князьях, которых он знал в бытность свою в Петербурге.

– Вы мне вот прежде всего скажите, отчего у вас на завтрак все подано остывшее? – перебил его Николай Иванович, на что коридорный, пожав плечами, очень наивно ответил:

– Ресторан немного далеко от нас, а на улице теперь очень холодно.

– Как далеко? Разве гостиница не имеет своего ресторана? Нет кухни при гостинице?! – воскликнула Глафира Семеновна.

– Не има, мадам.

И коридорный рассказал, что в Софии только две гостиницы имеют рестораны – «Болгария» и «Одесса», да и то потому, что при них есть кафешантаны, и при этом прибавил, что «die Herrschaften und die Damen» очень редко берут в комнаты гостиницы «подхаеване»⁴¹, «обед» и «вечерю»⁴², так что держать свою «готоварню»⁴³ и «готовача»⁴⁴ не стоит.

– Не в моде, что ли, ясти в номере? – спросил Николай Иванович.

– Не има мода, господине, – отвечал коридорный и стал убирать со стола.

– Ну, скорей чаю, чаю! Да мы поедем осматривать город, – торопила его Глафира Семеновна.

– Тос час, мадам, – засуетился коридорный, побежал в коридор и принес чайный прибор с двумя чайниками, в одном из коих был заварен чай.

– А самовар? Нам русский самовар? – спросил Николай Иванович.

Коридорный вздернул плечами и развел руками.

– Не самовар, – отвечал он.

– Как? Совсем не имеете самовара? В болгарской лучшей гостинице нет самовара?

– Не има, господине.

– Простого русского самовара не има! – удивленно воскликнул Николай Иванович. – Как же у вас здесь наши русские-то?.. Ведь сюда приезжают и русские корреспонденты, и сановники. Вы, может быть, не понимаете, что такое самовар?

– Разбираю, господине, разбираю, но не има русски самовар.

– Ну, уж это из рук вон... Это прямо, я думаю, вследствие каких-нибудь антирусских интриг Стамбулова, – развел руками Николай Иванович. – Но ведь теперь Стамбулова уж нет, и началось русское течение. Странно, по меньшей мере странно! – повторял он.

– Пей чай-то... – подвинула к нему Глафира Семеновна стакан чаю – чай подан хоть и без самовара, но не скипячен и очень вкусно заварен.

– Слушайте, кельнер! Как вас звать-то? Как ваше имя? – спросил коридорного Николай Иванович.

– Франц, господине.

⁴¹ Завтрак (болг.).

⁴² Ужин (болг.).

⁴³ Кухню (болг.).

⁴⁴ Повара (болг.).

– Тьфу ты! Немец. В славянской земле, в исконной славянской земле и немец-слуга. Слушайте, Франц! Нам этого кипятку мало. Принесите еще. Поняли? Кипятку. Оште кипятку.

И Николай Иванович стукнул по чайнику с кипятком.

– Оште горешта вода? Тос час, господине.

Коридорный выбежал из номера и через минуту явился опять с большим медным чайником, полным кипятку.

– Глупые люди, – заметила Глафира Семеновна. – Согревают кипятком в чайнике, а выписать из России самовар так куда было бы лучше и дешевле.

Через полчаса супруги кончали уже свое чаепитие, как вдруг раздался стук в дверь. Вошел коридорный и подал визитную карточку. На карточке стояло: «Стефан Кралев, сотрудник газеты «Блгрское право».

– Сотрудник? Корреспондент? Что ему такое? – удивился Николай Иванович.

Коридорный отвечал, что человек этот просит позволения войти.

– Просите, просите, – заговорила Глафира Семеновна, встала из-за стола, подошла к зеркалу и начала поправлять свою прическу.

Вошел еврейского типа невзрачный господин с клинистой бородкой, в черной визитке, серых брюках, синем галстуке шарфом, зашпиленном булавкой с крупной фальшивой жемчужиной, с портфелем под мышкой и в золотых очках. Он еще у дверей расшаркался перед Николаем Ивановичем и произнес по-русски:

– Позвольте представиться, ваше превосходительство. Сотрудник местной газеты «Блгрское право».

При слове «превосходительство» Николай Иванович встал, приосанился, поднял голову и подал вошедшему руку, сказав:

– Прошу покорно садиться. Ах да... Позвольте представить вас моей жене. Жена моя Глафира Семеновна.

– Мадам... Считаю себе за особенную честь... – пробормотал сотрудник болгарской газеты и низко поклонился.

Наконец все уселись. Николай Иванович вопросительно взглянул на посетителя и спросил:

– Чем могу вам быть полезным?

Посетитель слегка откашлялся, поставил свой портфель себе на колени и начал:

– Сейчас узнав внизу гостиницы о приезде из Петербурга вашего превосходительства, решаюсь просить у вас на несколько минут аудиенции для краткой беседы с вами. Позволите?

– Сделайте одолжение.

Николай Иванович еще выше поднял голову, оттопырил нижнюю губу и стал барабанить пальцами по столу.

– Не скрою, что хочу воспользоваться беседой с вами для ознакомления с нею читателей нашей газеты, – сидя, поклонился посетитель.

– То есть пропечатать? Это зачем же? – спросил Николай Иванович.

– Извольте ли видеть... При настоящей перемене режима в Болгарии и при повороте жизненного течения ко всему русскому мы считаем каждую мысль, каждый взгляд, поведенные нам русским сановником, достойными опубликования.

При слове «сановником» Николай Иванович не удержался и сделал звук «гм, гм». Но он боялся, что Глафира Семеновна выдаст его и крикнет: «Какой он сановник! Напрасно вы его принимаете за сановника!» – а потому обернулся и бросил на нее умоляющий взгляд. Глафира Семеновна сидела за другим столом серьезная и слушала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.